

Генералъ - Лейтенантъ **К. В. САХАРОВЪ**

**ЧЕШСКІЕ ЛЕГІОНЫ
ВЪ СИБИРИ**
(ЧЕШСКОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО)

БЕРЛИНЪ

1930.

Оглавление

От автора.....	3
Предисловие к немецкому изданию.....	4
I. Тени мировой войны.....	9
II. Историческая ошибка России.....	14
III. Выступление чехов.....	18
IV. «Анабазис» легионеров.....	25
V. Подготовка чешского предательства.....	40
VI. Чешское предательство.....	55
VII. Возвращение на родину.....	69
VIII. Наслоения чешской лжи.....	77

«Как тебе имя?

Он сказал: «легион, потому что много бесов вошло в него».

Ев.св. Луки 8,30

От автора

Все страны мира жалуются на трудности и на лишения послевоенного времени; почти все нации чувствуют себя обиженными; изо всех углов земного шара глядит человеческое горе. Но русские страдания и русское горе перешли все грани, они обратились уже в эпоху, которая подобно древне-христианскому мученичеству заняла своё место на чаше весов истории. На той чаше, на которой находятся правда и честь, а вместе с ними и будущая светлая победа.

Страна наших отцов, Россия, все эти чёрные годы лежит на своей голгофе, распластанная и пригвождённая. Полноводные реки чистых слез и горячей крови пролиты за истекшие пятнадцать лет на необъятном русском просторе. Многие миллионы человеческих жизней принесены в жертву нашим народом, во всех слоях его. Россия потеряла не только свою великодержавность, но и само имя её пытаются стереть с лица земли, заменив его четырьмя буквами: СССР. Международная банда тёмных личностей поставила Россию на майдан, обратила 150-миллионный народ в рабство.

Нам, современникам, не охватить всей величины и всего значения страдания России и русского человека; страданий там, в священном для нас отечестве, где попораны все божеские и человеческие законы, - и здесь по другую сторону черты, где более миллиона русских людей томятся в разлуке с родиной, в бесправии изгоя.

Наша родина, ласковая, как улыбка матери, обращена в жестокий, беспощадный застенок; страна богатая и щедрая, как ни одна другая на земле, поставлена в условия убогой нищеты, и народ наш лишён даже права свободного труда. Дети его насильно развращаются, - в СССР запрещена сама молитва к Богу. Ужасным кровавым террором, небывалым сыском и шпионажем, с помощью своих палачей – держит в повиновении российский народ шайка преступного международного сброда, во главе со Сталиным-Джугашвили, Калининным, Бэла Куном и им подобными.

Но придёт светлый день воскресения России. И все сохранившие ей верность на чужбине, соединят тогда свою жизнь и свой труд с нашими братьями и сестрами там внутри страны. К ним теперь обращены наши чувства и мысли, для них, главным образом, предназначена и настоящая книга. Возрождение России есть наше общее дело, наша общая священная обязанность. Вера в победу Добра на Злом никогда не покидала русского

человека. Мы все твёрдо убеждены, что день этой победы приближается, хотя и медленно в страшных мучениях.

Настоящий труд имеет своим предметом печальную повесть тех событий, которые толкнули наше отечество на его многолетнюю голгофу. В этой повести звучит действительным ужасом рассказ о чёрном страшном предательстве, совершенном «братьями» и «друзьями». Книга написана прежде всего для русских, написана коротко и сжато, в простом изложении фактической, правдивой стороны, - чтобы её могли прочесть самые широкие круги нашего народа. Цель настоящего труда – заключительные слова его: напомнить правду, которая с течением лет забывается, которую многие замалчивают, а иные и извращают.

Тяжёлой поступью проходят чёрные годы. Наше русское горе давно перелило через край. Неимоверной ценою платит Россия за старые ошибки. Но ещё страшнее была бы расплата и с нею вместе ответственность тех, кто толкал бы наше отечество на путь старых ошибок и промахов. Правильность этого утверждения подтверждается и подчёркивается неумолимо теми великими жертвами, которые принесены всем нашим народом. История этих народных жертв рассказана в этой книге. Лучшей наградой автора за его труд, будет, если все эти руководящие мысли и чувства проникнут глубоко и прочно в сознание нашего народа. Может быть многим из старого поколения, уже уходящего из жизни, трудно оторваться от прошедшего и от изжитых в нем ошибок, - но то молодое, что идёт на смену, все в нем смелое, честное и сильное, - должно понять раз и навсегда, - что недопустимо, нельзя сидеть между двумя стульями, и что путь колебаний не есть путь к победе. Понять и твёрдо провести в жизнь. И тогда наша святая обязанность – восстановление нашего отчего дома – будет близка к осуществлению. Да сохранит Бог Россию навеки!

Предисловие к немецкому изданию

Профессор Кельнского университета д-р истории М. Шпан

Генерал-лейтенант Сахаров попросил меня написать несколько слов к его книге «Чешские легионы в Сибири». Охотно я исполняю это почётное для меня желание.

Politisches Kolleg выпускает в ряд своих книг – этот труд, в котором события изображаются не только очевидцем, но лицом, стоявшим тогда на руководящем посту. Со страниц этого труда звучит обвинение русского патриота, лично пережившего как его собственные усилия, усилия его старых товарищей и многих тысяч соотечественников были уничтожены фальшивыми и лживыми друзьями, - их равнодушием, их эгоизмом, и их предательством. Генерал-лейтенант не считает себя призванным к научно-историческому труду, с присваиванием и обработкой всех данных. Но ни один историк по профессии не мог бы яснее обрисовать, из-за чего именно разыгрались заключительные

события мировой войны в 1918-1920 г.г. Мы немцы, к тому времени уже измученные и истощённые, почти не имели представления о тех событиях, которые вдобавок, имели местом своего действия совершенно незнакомые нам края.

Из школы вынесли мы, за редкими исключениями, очень несовершенное представление о пространствах, которые в течение 250 лет были соединены царями под скипетром в одно государство. Для нас – Урал разделял Европу от Азии; сообразно этому – на запад от него лежала Россия, по другую сторону - Сибирь. И вот в ряде картин, которые перед нами разворачивает книга Сахарова, мы видим пространства единого русского государства, видим их так отчётливо и ясно, до самой глубины, до границ поля зрения. В середине перед нами вырисовывается ядро государства – от Волги до Байкала, От Казани до Иркутска. Уфа и Екатеринбург, Тобол, Омск и Красноярск – встают в нашем сознании, как центральные пункты этого района. Перед нами расстилается европейская часть, то, что мы до сих пор принимали за понятие Россия, - лишь только как передняя часть страны. За ядром её, к Тихому океану уходит восточная часть государства. Эта область простирается от Читы до Владивостока и переплетена с восточноазиатской жизнью едва ли менее глубоко, чем Китай и Япония, - подобно тому, как в передней части России, на протяжении от Петербурга до Одессы, до войны интересы восточно-европейского мира были прочно связаны с Пруссией и Австрией. Книга генерал-лейтенанта Сахарова заслуживает внимательного отношения уже из-за одного того, чтобы охватить взором необъятные пространства, принявшие здесь формы.

А к этому прибавляется ещё глубокий по содержанию и захватывающий рассказ. Рассказ о самоуничтожении панславизма. С помощью его Западу удалось сделать последний и самый опасный натиск на русский мир 18-го и 19-го столетий, утверждённый за время с Петра I до Николая I на прочном основании великодержавности. Цари относились к панславизму с внутренним отрицанием, но не нашли сил для открытой борьбы против него. С наибольшей страстностью проводили это движение перед мировой войной чехи. Так появился на русской территории и Масарык весной 1917 года, непосредственно после революции. Он этот духовный проводник чешской идеи, прибыл тогда в Россию подобно победителю, чтобы целый год, до весны 1918 года, играть там роль стряпчего Западной Европы. И благодаря ему Запад получил в свои руки, - в виде трёх чешских дивизий, образованных в России по приказу чешского национального совета из Парижа, - орудие, которое давало ему огромное влияние на дальнейший ход русской революции, а вместе с тем на войну до её конца.

В первые месяцы 1918 года большевикам удалось захватить власть только внутри и на севере Европейской России. Да и там им приходилось иметь дело с восстаниями крестьян. Поэтому вполне понятно, что среди русских

национальных кругов в то время появилась надежда сбросить власть большевиков с помощью чешского корпуса. Чехи тогда находились на пути к Владивостоку. Известие о том, что они повернули на Запад и в июле-августе дошли снова до Казани, было встречено русским народом с восторгом. Но чешское наступление на Волгу имело единственной целью давление на немецкое командование, чтобы принудить его оставить на восточном фронте возможно большие военные силы. Этим надеялись увеличить шансы Фоша на победу на западном фронте. А как только средне-европейские страны перестали внушать страх – чешские легионы были обращены на то, чтобы помешать адмиралу Колчаку в его работе по восстановлению России. Дважды поднималась Россия в 1919 году наступлением на большевизм, но оба раза была вынуждена отступить. Первый раз за Tobol, вторично – за Байкал. Чехи не только не подали русским помощи, но они помешали и подаче русских резервов по Сибирской железной дороге. Они не остановились потом и перед открытой игрой с большевиками. Отступая с фронта, чехи ограбили несчастное русское население, и их единственной заботой стало, - независимо от того, наступали ли русские, или были в отступлении, - увезти награбленное на восток. Это имущество или продавалось чехам по пути к Владивостоку русскими же, или отправлялось в Европу. Чехи заявили, что будут выполнять приказы только француза Жанена, назначенного командовать теми войсками, которые западные державы и Япония направили в Сибирь. Политически же они придерживались сторонников Керенского, с которым Масарык установил связь ещё весной 1917 года. В конце августа 1918 г. офицерский корпус белой армии пришёл к необходимости образования единой русской власти, чтобы дальнейшие военные мероприятия не разбивались политическим разбродом. Под давлением и угрозами чехов, правительство это было образованно в своём большинстве социал-революционное и с социалистом-революционером во главе. ещё в начале войны социал-революционеры сумели проникнуть в учреждения общественного хозяйствования, откуда внедрились и в органы местного самоуправления. Будучи вытеснены большевиками из Петербурга и Москвы, они обосновались восточнее Волги до Владивостока. Провозглашение Колчака в ноябре 1918 года верховным правителем России положило скорый конец социалистическому правительству, но власть Колчака не смогла глубоко проникнуть в толщу страны; там продолжали хозяйничать эсеры в союзе с чехами.

Масарык в 1918 появляется в пункте соединения социал-демократического движения с панславянским. Он принадлежит им обоим и с их обоюдным успехом стал он исторической личностью. Панславизм и социал-демократия поддерживали друг друга не только в 1918-1929 г. г. по ту сторону Волги, - они показали себя, почти с первого дня своего возникновения в средней и восточной Европе, как смертельные враги того порядка, что утвердился в Европе в 18-м и 19-м столетиях, его основе и прочности, которые были положены при устройстве великих держав, сооружённых тремя

правлящими домами: Романовыми, Гогенцоллернами и Габсбургами. Это здание разъедалось обоими движениями, как крепкой водкой, ещё за десятилетие до мировой войны. То участие, которое панславизм принял в подготовке войны, и то влияние, которое было оказано социал-демократией на её конец, - подкопали общественность и силу сопротивления трёх великих держав определив и их судьбу. Поэтому нельзя не признать панславизм орудием Запада, в отличие от социал-демократии. Но он стал ещё значительнее от той поддержки, которую от неё получил.

Оценка этому будет различна, соответственно тому, станет ли социал-демократия рассматриваться, как факт противный либерализму, или ей будет отведена известная зависимость от него.

При первом возникновении либерализма ему представлялось, что он с помощью буржуазии будет в состоянии изменить порядок, как на Западе, так и в средней Европе. Но социальное расслоение последней, покоясь своею основой на сельском хозяйстве и на рабочих, оказалось слишком прочным. Поэтому-то и мог Бисмарк принять вызов либералов на решительное сражение. В двух крупных схватках в 1862-1867 и в 1876-1879 г. г. он их отбросил назад. Такие вожди, как епископ фон-Кеттелер на Рейне и Карл Люэгер в Австрии, разбили либерализм в Средней Европе наголову. Возможно, что продолжением того же направления является также Муссолини. Однако с появлением социал-демократии Запад получил опять возможность возобновить борьбу. Только теперь агитация подготовки нападения на существующий порядок была перенесена из буржуазии в пролетариат. На место либеральных надежд были выдвинуты в первую голову социальные требования. Однако, политическая воля стремилась, как и прежде, к тому, чтобы в Среднюю Европу пересадить демократию Запада. И в этой цели из-за социал-демократии вновь вынырнул лик либерализма. Во время войны социал-демократия и панславизм выходят на одну и ту же плоскость.

Орган германской социал-демократии «Vorwärts» так проявил своё отношение к убийству в июле 1914 г. наследного эрцгерцога: что национальная революция есть предтеча социальной, как равно революция буржуазии приближает совершение полной революции пролетариата. В мировой войне случилось, однако, обратное: революционное движение социал-демократии открыло пути для национальных революций восточной и средней Европы. Для борцов национальных революций оказалось не трудным выиграть у социал-демократов первое место. Лучшие шансы получило то направление, которое обладало внешнеполитической целью, ибо это увеличивало шансы на победу союзников. Национальные шансы панславизма были проникнуты именно этой внешнеполитической проблематикой. В противовес чему интернационал социал-демократии есть лишь лозунг, которым она тешит сама себя; ей недостаёт именно внешнеполитических целей, она озабочена вопросами лишь внутреннего устройства и оплаты труда. Конечно, и социал-демократия, и

панславизм получили в итоге войны лишь столько, сколько им захотели и нашли нужным дать западные державы: социал-демократии иллюзорное участие рабочих союзов в политической власти, а чехам предоставление государственного суверенитета, который на деле только тень его, дела чехов драбантами Франции. С тех пор под давлением учреждённой в Версале новой государственной системы и все больше и больше выступающего оттуда нового социального расслоения, - Средняя Европа живет в образе гермафродита между западным капитализмом и большевизмом востока.

20 марта 1917 года газета «Vossische Zeitung» в № 145 опубликовала мою статью, в которой искалось объяснение только что разразившейся в России революции по линии исторического процесса; равно там делалась попытка дать оценку событиям, составить первую картину случившегося для суждения о значении его.

Статья оканчивалась так:

«Война очень затянулась. Царь, несомненно, пошёл бы снова охотно на соглашение со срединными империями. В нем не умер ещё здоровый инстинкт к тому, что было хорошо для российской великодержавности, как и для интересов её дипломатии... Ему не доверяли одинаково ни интеллигенция, ни Англия, зависимости от которых он подпал со времени поражения в Маньчжурии. Они чувствовали себя все время под угрозой, что царь может вернуться к жизненной политике, под знаком которой началось его царствование. И они вступили против него в заговор, сегодня они его победили и низвергнули. В Германии во время войны неоднократно оживал политический взгляд, что Россия и Германия должны были в последнюю четверть столетия поддерживать друг друга и обоюдное стремление к общему господству. В том, что случалось иначе, несет также сильную ответственность общественное мнение Германии и её политика... Надо надеяться, - наше военное командование своевременно себе уяснило, что Англия могла отвратить сепаратный мир России только ценой более, чем безумной игры с огнём. Россия трещит по всем швам. Что принесло бы, если бы молоты Гиндербурга обрушились на неё в эту минуту! Но не утеряна ещё и сегодня возможность продвинуть войну значительно вперёд к разрешению – прочным ли захватом России, или путём восстановления в ней монархии и с нею здорового направления русской внешней политики, или, - если страна царя действительно распадается, - пусть последнее слово скажет наш меч, а не английская интрига».

Мы не были уже больше в состоянии помочь царю. И Австро-Венгрия, и Германия вскоре затем очутились также в клещах, которые Запад держал в виде панславизма и средне-европейской социал-демократии. Наши династии тоже были низвергнуты, и наш народ, на подобие русского, подпал обморочному состоянию.

С той поры русские и немцы переживают время отечественной разрухи.

Да будет мне позволено в связи с этим привести в заключение одно личное воспоминание. В январе 1929 г. вопросы изучения истории искусства привели меня в замок Зееон к герцогу Лейхтенбергскому. В его кабинете, за чашкой послеобеденного кофе, разговор направился на политические темы. Герцог упомянул о генерале Врангеле и предложил познакомить нас. Никто не мог лучше Врангеля мне рассказать, какая глубокая пропасть образовалась между русскими и Западом; он пережил с западными державами только разочарования. Все, кто были в России за тройственное соглашение и сражались за его дело, знают теперь, что будущность России только в возобновлении старых, добрых связей с Германией. Я не познакомился с генералом Врангелем. Уже через несколько недель он перешёл в лучший мир, летом умер и герцог Лейхтенбергский. Этот разговор пришёл мне на память теперь при чтении тёплых слов, которые генерал-лейтенант Сахаров посвящает русско-германским отношениям. Общность несчастья направляет тех, кого, кого оно постигло, к естественному сближению. Но в чувствах, которые выражает генерал-лейтенант Сахаров, дело идёт не только об этом одном; мы смеем верить, что здесь выступает единственно правильный взгляд на вещи и согласованная с ними политическая воля. Они нам помогут работать на будущее, каждому для своего народа, пока, по воле Господней, мир не примет нового вида.

I. Тени мировой войны.

Мир, потрясённый величайшей из войн. Стоит, содрогаясь и готовый впасть в новые судороги безумного самоистребления и развалин. Миллионы и миллионы лучших сыновей всех главных наций ушли из жизни за годы мировой войны и революций. Полные веры в светлое будущее, положили они души свои за други своя. Когда эти храбрые, честные люди, бывшие в расцвете сил и здоровья, бесстрашно шли вперёд и умирали на поле чести, то перед их глазами стояли идеалы правды, права и справедливости. И оттого-то был лёгок и чист их жизненный конец...

А разве не с верой в победу Добра над Злом бросились в смертную схватку народы мира? Разве не за идеалы правды, права и справедливости лилась многие годы кровь, ломались без счета кости и отдавались в жертву жизни?..

Ответ на эти жгучие вопросы прозвучал из Парижских предместий: Версаля, Трианона и С.-Жермена. Идеалы превратились в иллюзии, и иллюзии разлетелись как пыль цветочная. На место правды и права вошли в мир, как ещё никогда ранее, ложь и насилие. Тяжело должны были перевернуться в глубоких братских могилах останки героев.

Какие же ещё результаты долгой и кровопролитной войны? Прежде всего, необходимо заметить, что война, в сущности, не окончена; она превратилась и перешла в иную плоскость, приняла другие формы. Произошло к тому же довольно существенное перемещение факторов войны. Только неизлечимый Гиппократ или человек с привычкой страуса прятать при опасности голову в песок может оспаривать это и утверждать, что после Версаля человечество получило прочный мир и перестало готовиться к войне.

Россия, страна, занимающая 1/6 часть суши и имеющая в своей массе примитивное земледельческое население, отдана была на поток и разграбление коммунистическому интернационалу, т. е. преступному сброду из всех человеческих отбросов всех стран; людей, потерявших последние проблески духа, преданных самому разнузданному материализму и исполненным жестокости бешеного зверя. Русский народ не сразу подпал под это страшное иго; он схватился с коммунистами в смертельной борьбе и вел три года жестокую внутреннюю гражданскую войну. Когда белые, т. е. национальная белая армия были уже близки к победе над красными, - то рука из Версаля направила ужасный предательский удар им в спину. И этим ударом помогла утвердиться коммунизму в России больше чем на десятилетие.

Германия, поверженная, но не побеждённая, оставалась ещё страшна людям, делавшим Версаль. Она была страшна своей внутренней силой: стремлением к единству, дисциплиной, способностью к жертве и воле. Потому-то мирный договор бросает на те же десятилетия эту крепкую и трудолюбивую страну в унижительные, непосильно тяжёлые материальные условия. В моральное рабство. С беззастенчивой улыбкой люди, мечтавшие о реванше, готовившиеся все время к войне и спустившие с цепей её страшного зверя, - приписывают вину одной лишь Германии. У неё отнимают оружие, лишают её средств обороны и требуют уплаты всех тех миллиардов, которые в течении четырёх лет народы Европы выпускали в воздух ежедневным потоком смертоносных снарядов и взрывчатых веществ.

Но и этого мало. Для каждого человека ясна и непреложна мысль: если бы не было государственной слепоты у обеих стран, - то никакая война не могла бы возникнуть. Воля двух колоссов, объединённых между собой, была бы неприкасаема, а сила непобедима. Эту истину понимают теперь все. А люди, заседавшие в Версале, видели и дальше; для них не подлежало сомнению, что это положение имеет силу не только в прошлом, но и в будущем. Потому-то и была отдана Россия на разложение коммунистам, причём вину эту хотели свалить на Германию... Чтобы ещё более разделить два народа, русский и немецкий, политики Версаля, Трианона и С.-Жермена наметили создать между ними физический барьер. Для этого они тело Европы разделили и раскромсали, как мясники разделяют тушу быка. Одевшись в красивую тогу принципов самоопределения народов и прав меньшинства, - «творцы мирного договора» выкроили из тела Европы ряд новых государств: Чехословакию с областью

Судетских немцев и Карпатской Русью: Польшу с коридором, Силезией, западной Пруссией, Галицией, Волынью и Вильно; Литву с Мемелем; Румынию с Бессарабией и Семиградией.

Вместо одного Эльзаса были созданы после войны десятки. Мирные договоры Версаля, Трианона и С.-Жермена принесли миру зародыши новой бойни, к которой готовятся изо всех сил «победители», обезоружив для большей верности «побеждённых».

Война Антанты с центральными империями Европы окончилась без участия России. Наша страна принесла более всех жертв на дело союзников и только вследствие этого была выведена из строя тяжёлой болезнью – революцией. Зато мировая война окончилась при участии Америки, вступившей в ряды борющихся перед самым концом. Не подлежит сомнению, что, если бы Америка выступила решительно в 1915 или даже в 1916 году, то война кончилась бы значительно раньше и стоила миру на много меньше крови и даже золота. Но в 1914, 15 и 16 годах Америка держала нейтралитет и была занята большими выгодными заказами для воюющих. Эти заказы выкачивали золото с материка в Новый Свет.

Мировая война окончилась не победой стран Антанты на полях сражений, а разложением Германии, подпавшей пропаганде пацифизма и интернационала, вступившей подобно России на путь революции. На этот конец империи и на отказ Германии от продолжения войны повлияло в решительной степени вступление в войну Америки и прибытие в Европу её свежей армии. Америка сыграла свою роль наверняка и заняла положение, небывалое раньше по своему влиянию.

Мировая война окончилась не победой Антанты. Версальский мир подобен другому миру этой войны, миру Брест-Литовскому. Как там договаривались здоровые центральные державы с больной Россией, так и здесь в Версале Трианоне и С.-Жермене страны Антанты договаривались с больной Германией и Австро-Венгрией. Народы разделились не на победителей и побеждённых, а на выигравших ставку и на обиженных. В стан обиженных отброшена и Россия, заплатившая всех дороже за свою историческую ошибку. Россия временно повержена и намного больнее и тяжелее центральных держав. Но сбросить этот фактор совершенно со счетов союзникам не удалось. Все понимают, что развал великой страны лишь временный, что Россия встанет из пепла, наподобие Феникса, возрождённой, очищенной и более могучей, чем раньше. И эта новая будущая Россия по поводу статей 116 и 117 Версальского договора¹ будет говорить не с Германией, Австрией и Венгрией, а с творцами

1 Ст. 116. Германия признает независимость всех областей, принадлежавших 1 августа 1914 г. к прежней Российской Империи, и обязуется уважать эту независимость длительно и нерушимо. Германия признает окончательно объявление недействительным как Брест-Литовского мира, так и всех других соглашений и сделок, заключённых ею со времени большевицкой революции в ноябре 1918 г. с каким

Версальского мира.

Как сказано выше, Россия справилась бы сама со своей бедой, с революционной болезнью, с большевицким разгулом, если бы не злой предательский удар спину русским. А этот удар, это каиново дело предательства совершили чехи в Сибири, там, где был центр русских усилий, где образовалось ядро новой русской национальной власти и государственности. Другого названия, как «каиново дело», нет этому чёрному предательству чехов, ибо они все время, даже опуская трусливой рукой сзади кинжал, не переставали называть русских «своими братьям», а Россию – «своей матерью».

В 1923 году пишущим эти строки была издана в Мюнхене книга «Белая Сибирь», где даны описания всего хода гражданской войны в Сибири за 1918-1920 годы, - так, как события были видны из центра величайшей трагедии русского народа, с поста командующего армией и помощника адмирала Колчака. В главе 5-й этой книги «Чехословацкий корпус» обрисована объективно и на основании документов та гнусная роль, какую сыграли чехи в этой трагедии России.

Они предали русскую белую армию и её вождя они братались с большевиками, они, как трусливое стадо, бежали на восток, они совершали над безоружными насилья и убийства, они наворовали на сотни миллионов частного и казённого имущества и вывезли его из Сибири с собой на родину.

Следующим местом заканчивается 5-я глава «Белой Сибири»: «Пройдут даже не века, а десятки лет, человечество в поисках справедливого равновесия не раз ещё столкнется в борьбе, не раз, возможно, изменит и карту Европы; кости всех этих Благошей и Павлу истлеют в земле; русские ценности, привезённые ими из Сибири тоже ведь исчезнут, - на место их человечество добудет и сделает новые, другие. Но предательство, каиново дело, - с одной стороны, - и чистые крестные страдания России – с другой – не пройдут, не забудутся и будут долго, веками передаваться из потомства в потомство.

А Благоши и Ко прочно укрепили на этом ярлык: Вот, что сделал чехословацкий корпус в Сибири!

И как Россия должна спросить чешский и словацкий народы, как они

бы то ни было образовавшимся на территории бывшей Российской Империи правительствами и политическими группами.

Союзные державы особенно настаивают на праве России требовать от Германии соответствующих начал договора восстановления и возмещений.

Ст. 117. Германия, обязуется признать всю законную силу договоров и соглашений, которые будут заключены союзными державами с государствами, кои образуются на всей территории бывшей Российской Империи, в том виде, в каком она была к 1 августа 1914 г., или на «какой-либо части её. Германия, далее обязуется признать границы этих государств, как они будут установлены означенными договорами и соглашениями. (Мирный договор между Германией и странами Согласия. Редакция перевода с оригинальных текстов В. Я. Назимова. Берлин, 1920).

отнесли к иудам-предателям и что они намерены сделать для исправления причинённых России злодеяний?»

Прошло шесть лет молчания. Чешские политики строители нового государства, не только не поставили преступников перед судом и предателей к позорному столбу, но и пытались их окружить ореолом чести доблести и героизма. Более беззастенчивой лжи мир не видел. Ниже будут приведены такие «свидетельства» двух заправил чешской политики, проф. Масарыка и др. Бенеша. Цель этих государственных людей новой республики, выкроенной из тела старой республики, была, очевидно, обмануть общественное мнение всех цивилизованных стран, усыпить совесть их, чтобы, несмотря на всю подлость и низость, сохранить место среди честных наций и порядочных людей.

До Сибири далеко, в самой России нет национальной власти, вступить за правду некому, а большевики сами не заинтересованы разоблачать, - так, видно, рассуждали чехи, укрепляя свой обман. А те представители Антанты, которые знали о грязном воровстве и о каиновом деле чехов, - хранили и хранят до сих пор глубокое молчание. В силу этого общественное мнение цивилизованных стран, - под влиянием чешской пропаганды, - находится в заблуждении. Только частью удалось разрушить обман, благодаря тому, что книга «Белая Сибирь» нашла широкий отклик в русской зарубежной и немецкой прессе. Теперь, не так как до 1923 года, анабазис чехов пишется теперь в кавычках, а лживой чешской похвальбе о их подвигах в Сибири нередко противопоставляется то, что их бегство из Сибири, воровство и грабёж – это факты общеизвестные.

Долг осветить эту мрачную картину во все ужасающей полноте лежит не только на одних русских; это обязаны сделать честные люди все наций. Дело совести всех истинных демократий (как любят повторять чешские политики) – раскрыть правду. В интересах всего мира – поставить преступления чехов перед Россией к позорному столбу. Иначе в Европе останется государство, которое служит местом укрывательства убийц, воров, насильников женщин, давая им не просто убежище, но предоставляя руководящие государственные места и прославляя их как героев.

Продолжая собирать дальше документальный материал, касающийся того времени,² мы находим своевременным выпустить настоящую книгу, имеющим своим предметом злодеяния чехов в России, тем более, что в настоящем, 1930 году, исполнится десять лет со времени совершения предательства чехами в Сибири.

Естественно, что у читателей могут возникнуть вопросы: Каким образом

2 Лиц, располагающих документами, воспоминаниями, газетными вырезками, фотографиями и т. д., касающимися чехов в России, просят направить через издательство автору.

попали чехи в Россию? Откуда взялся там целый чехословацкий корпус? Как могли они натворить столько зла в Сибири? – Краткий ответ на эти вопросы дают следующие главы.

II. Историческая ошибка России.

Не подлежит спору, что прежняя императорская Россия была больна панславизмом, болезнью, от которой новая Россия, — надо надеяться, — вылечена навсегда. Хотя эта болезнь и носила чисто внешний, наружный характер, не имея корней ни в самой стране, ни в широких народных массах, — но все же, она за последние 50 лет оказывала очень большое влияние на жизнь нашего отечества.

Панславизм возник в середине прошлого столетия, имея вначале чисто - теоретические проявления, — родственности языка славянских племён, интереса к их литературе, искусствам, народным верованиям, обычаям и укладу жизни. Но очень скоро к этим научным, чисто кабинетным и невинным увлечениям примешалась и политическая игра, подогреваемая известиями с Балканского полуострова о притеснениях турками болгаров и сербов. То был век сентиментализма, когда глубоко в жизнь проникали идеи помощи малым страждущим христианским народцам, будоражили общество и вызывали сильное желание помочь им и освободить их от ига неверных. Стоит лишь вспомнить лорда Байрона, его личное участие в судьбе греков и в борьбе за их свободу.

Для той же цели возникла и война России с Турцией 1877—78 г. г., закончившаяся освобождением болгаров и сербов. Последовало создание этих самостоятельных государств, обильное пролитой крови сынов России. После этого панславянские течения усилились в русских кругах ещё больше. Среди славянофилов видим тогда кроме учёных теоретиков и ряд влиятельных политиков, главным образом, среди военных, как, например, Чернышев, Скобелев и Игнатъев.

Эти люди, имевшие большое влияние на русскую жизнь и на русское общество, сильно культивировали панславизм и обратили его в мощный фактор внешней, да отчасти и внутренней политики. К несчастью, движение это шло нога в ногу с русским национализмом и в царствование Александра III достигло своего апогея.

Две причины, лежавшие вне самой России, влияли в сильной степени на его развитие. Во-первых, — это отход Австро-Венгрии и Германии от основ политики Бисмарка. Берлинский конгресс уже вызвал большое разочарование петербургского общества. Традиционные, на протяжении веков укрепленные взаимодействие и дружба русских и немцев, достигшие наибольшего расцвета в Священном Союзе, стали тускнеть и отходить на второй план. После блестящей эпохи Вильгельма I проявлялось все большее пренебрежение завещанной

Бисмарком идеей бережного отношения к взаимным интересам и идущего рука об руку, взаимно дополняющая развития обоих народов, русского и немецкого. Среди немецких политиков народилось западническое течение, обращение всех надежд и мыслей на Европу; к России стали относиться люди этого порядка или с пренебрежением, или прямо враждебно.

Второй причиной явился заключённый императором Александром III, как противовес германскому пан-европеизму, союз с Францией; по самому существу — противоестественный союз между автократической и патриархальной монархией и разнузданной, развращённой и вечно интригующей республикой. Эти интриги и не замедлили использовать панславизм, чтобы, разжигая его, тем самым увеличить ещё сильнее расхождение между Россией с одной стороны, и Германией с Австро-Венгрией — с другой.

В последнее царствование Николая II, относившегося с прямым обожанием к политике своего царственного отца, панславянские идеи ещё более укрепились, получив официальное признание и поддержку правительства. Как в Петербурге, так и во всех славянских центрах Европы, точно грибы после долгого дождя, выросли панслависты-политики, сделавшие себе из этого профессию, извлекавшие из панславизма выгоды, строившие на нем свою карьеру. В расцвете императорской России все славянские народы заискивали перед ней, заверяли её в своей любви и преданности, получая регулярные субсидии и подарки.

А Россия в своей массе была совершенно равнодушна к панславизму, считая его по справедливости, лишним ненужным и несущественным и, во всяком случае, чуждым себе. Да и как же иначе?.. Представьте себе на минуту, что Германия, вместо вполне понятных и естественных забот о «*Deutschtum*», стала бы культивировать «пангерманизм», т. е. искать не только общности, но и объединения со всеми странами, включительно до Англии, население которых принадлежит к германской расе или имеет сильную примесь её.

Нельзя упускать из виду следующего: Россия населена в своей главной массе русскими, в жилах которых течёт не только славянская кровь, но и туранская; а кроме того, ряд других народностей России не имеет со славянской расой ничего общего. На протяжении нашей истории, при развитии государства Российского, эти народы были для России верными сынами и лояльными и подданными. Под русскими знамёнами стояли, как сыны России — и русские, и кавказцы, балтийцы и немцы-колонисты, буряты, татары, калмыки, киргизы, башкиры, туркмены, таджики и многие финские племена. В то время, когда чисто - славянский народ, поляки, был на всем тысячелетнем историческом пути России заклятый и непримиримый враг её.

Невольно возникает вопрос: было честно по отношению ко всем этим народностям России культивировать идеи панславизма, допускать влияние его

на свою внешнюю политику? Имело ли государство право расходовать средства страны и направлять силу армии на пользу чуждых славянских народцев? Допустимо ли было лить так щедро кровь сынов России для освобождения и самостоятельности всех разбросанных маленьких славянских земель?

Логика дает на это ответ отрицательный: Нет, не имела права Россия идти по пути искусственной и выдуманной идеи панславизма. А история последних лет не только подтверждает это, — России пришлось тяжело, непомерно тяжело заплатить за свою ошибку. В то время как Чехословакия, Польша³ и Югославия, созданные на крови лучших сынов нашего отечества, разбухли и заболели манией величия, — Россия повержена в развалинах, Россия томится в кровавом безумном коммунизме, Россия впала в обеднение. Славянские народы не только не пришли на помощь нашей стране, но постарались все использовать эту смертельную болезнь её для своих мелких меркантильных интересов, глядя равнодушно на борьбу русских национальных отечественных сил с коммунистами или даже помогая последним.

Ещё одно обстоятельство заслуживает самого вдумчивого внимания: все эти новые славянские государства, порождённые в Версале, Трианоне и Сан-Жермене, с самого начала своей жизни стали не только тяготеть к Франции, но обратились в её и преданных и послушных слуг, действуя по её указке. Это лучшее доказательство правильности того положения, что хитрая политическая интрига Французской республики сумела в своё время использовать панславизм. России он принёс только вред. Но в 1914 году наше государство было могуче и располагало большими, все увеличивавшимися средствами и кредитом. Панславизм рос и ширился, как недобрый дух, как чума. И естественно, что этот рост вызывал не только недовольство, но и прямое противодействие в других странах, особенно в Австро-Венгрии, имевшей под своей короной не мало славянских народцев. Панславизм сделался ядом раздора и, в конце концов, послужил одной из причин, приведших к конфликту.

Пламя грандиозной небывалой войны охватило всю Европу. Мировая война имела своим исходным поводом маленькую Сербию. Россия вошла в войну, руководимая желанием вступить за права этого славянского народца. С течением затянувшейся мировой войны политики Антанты решили использовать панславизм, как средство для разложения враждебных армий и государству с одной стороны, и для усиления себя — с другой. Были выкинута лозунги о самостоятельности Польши и Чехии. В августе 1914 года главнокомандующий Русскими армиями, вел. кн. Николай Николаевич, издал прокламацию с призывом к восстанию ко всем народам Австро-Венгрии. В тех же целях усиления себя и ослабления противника были начаты в странах союзников формирования воинских частей из чехов, поляков и сербов. Уже в августе 1914 года было разрешено и в России формирование одной чешской дружины (батальона) частью из чехов, русских подданных уроженцев Волыни,

3 За Польшу и на полях Польши пролиты были потоки лучшей крови сынов России.

частью из австрийских чехов, которых война застигла в России. В ноябре того же года эта дружина (около 800 человек) вступила в состав действующей армии.

В то время как в Петербурге и центральных учреждениях, до главной квартиры включительно, относились к чешским формированиям сочувственно, — сама армия смотрела на них недоверчиво и презрительно. Особенно, когда к первым чехам-добровольцам стали подмешивать военнопленных чехов, строевые начальники стали относиться к ним прямо с опаской. Руководящей мыслью при этом были слова, высказанные одним из старых и доблестнейших боевых русских генералов: «Черт их знает, этих «братушек»! Кто раз изменил, тот легко сделает это и в другой раз. Да и нельзя быть уверенным, что среди этих чехов нет шпионов». Мнение армии взяло верх, и поэтому долгое время дальнейшие формирования чешских частей в России не были дозволены.

Масарык в своей книге⁴ пишет, что такой же взгляд вначале существовал и такие же аргументы проводились по отношению к пленным чехам и в Италии, Англии, Америке и даже во Франции. Что касается до роли чехов, солдат и офицеров Австро-Венгерской армии, то, верно, были случаи перехода на вражескую сторону их частей, их измены знамени и присяге. Но обычно не идейные, а чисто шкурные мотивы двигали этими дезертирами, мелкое и низкое желание спасти свою «драгоценную жизнь».

Помню, какое чувство омерзения вызывали подобные случаи у нас на фронте мировой войны. Среди многих эпизодов галицийского наступления летом 1910 года был в нашей дивизии (3-й финляндской стрелковой) 27 июля ст. стилия упорный бой за деревню Лазарувку у Золотой Липы. После горячих атак и контратак с обеих сторон, мы заняли эту деревню и захватили свыше двух тысяч пленных. Германский егерский батальон с австро-венгерскими частями был двинут из резерва против нас. Завязался вновь напряжённый бой. Последняя схватка происходила на глазах у пишущего эти строки. Наш 9-й полк удачно охватил фланг и вышел в тыл неприятельской позиции. Благодаря умелому маневру, мы захватили снова много пленных, хотя все они дрались и упорно, и хорошо.

И вот, когда участь боя была уже решена, дальнейшее сопротивление становилось совершенно бесцельным, наши стрелки принимали и вели сдавшихся в плен, — все неприятельские офицеры и солдаты были мрачны, устали и подавлены. Вдруг два фендрика, чехи, вырвались из толпы пленных, кинулись к нашим офицерам с объятиями, с поклонами и попытками целовать руку. Они кричали что-то о своей дружбе, о своей горячей любви к России, о нежелании воевать. Все было ложью, — в их глазах стояло лишь опьянение страхом боя и радостью сохранения жизни.

Неправдою было мнение, будто чешские части, служившие в австрийской армии, сдавались добровольно и без боя. Они вели себя сообразно с тем, в чьих

4 Т. G. Masaryk, «Die Weltrevolution». Стр. 164.

руках были. Вот другой случай. Против нашей дивизии на реке Стрып у деревни Гайворонки стоял чешский полк (насколько помню, 83 пехотный), держался крепко всю зиму 1915-16 г. г. и дрался с отличным упорством. Когда в мае наши полки после трёхдневных боев переправились через Стрыпу и начали удлинёнными пироксилиновыми зарядами рвать тридцать рядов колючей проволоки, — все чехи этого полка успели отступить в тыл своего расположения; мы взяли их пленными лишь несколько десятков. В тот же день и тем же ударом наша дивизия захватила у деревни Висьневчика на Стрыпе почти целиком 10-й гонведный венгерский полк. А ведь венгры были известны, как отличные солдаты. Тогда же мы все высказывали мысль, что рассказы о добровольной сдаче чешских частей — басни. Это была своего рода игра с двойным обеспечением: драться хорошо до победы своих, а в случае поражения или в трудную минуту — прикрыться славянским братством, чтобы и в плену не было плохо.

Несмотря на все хлопоты и интриги, на низкопоклонство чешских политиков типа Масарыка и Бенеша, на влияние через Англию и Францию, русское правительство долго не позволяло дальнейших чешских формирований. Только в начале 1916 года чешская дружина была переформирована в чешский стрелковый полк, но все командные должности в нем были замещены русскими офицерами и командный язык был русский. Чем дольше затягивалась война, тем настроение в Петербурге становилось тревожнее, неувереннее, тем все больше и больше делалось ошибок под влиянием утомления и страха за исход войны. Именно вследствие этого и были разрешены летом 1916 г. дальнейшие чешские формирования, — полк развернули в бригаду.

III. Выступление чехов

(Ноябрь 1917 — Июнь 1918)

Образованный за границей чешский национальный совет через своё Московское отделение поднёс русскому царю 22 ноября 1916 г. заверения в лояльности и верности. Надо заметить, что в те годы чешские деятели за границей представляли свою цель в образовании самостоятельного богемского королевства с королем из иностранной династии, указывая на Дом Романовых. А вот какое свидетельство находим у объективного швейцарского учёного⁵: «Пражский бюргермейстер выражал императору Францу-Иосифу чувства верности и преданности неукоснительно при каждом успехе австрийского оружия. В январе 1917 года «Narodni Listi» писал... «Действия профессора Масарыка грязнят честь чешской нации. Любовь всего чешского народа к династии и отечеству крепка и непоколебима. Все, кто за границей говорит другое, лгуны и предатели. Мы решительно отрицаем, что такие люди имеют право говорить от нашего имени...».

5 Dr. Hugo Hassinger, Professor der Geographie an der Universität Basel «Die Tschechoslowakei», стр. 312.

«Депутаты Шмераль, Станек и Мاستалка подписали королю Карлу (15 февраля 1917 г.)⁶ прошение об его короновании в Праге чешской короной, причём они заверяли его в том, что «всегда будут стоять все за него и его преемников, всегда будут верно служить королю и отечеству».

«...Во время мировой войны словаки-солдаты сражались храбро в австро-венгерской армии, а словаки - националисты держали в рейхстаге патриотические речи (как Юрыга 26 апреля и 9 декабря 1915 г.) о готовности их народа к жертве за венгерское отечество»⁷. Когда в марте 1917 года неожиданно разразилась в Петербурге предательская революция, чехи быстро почувствовали родственную среду и перекрасились, стали яркими республиканцами. От временного правительства (Милюков) они добились уже в марте 1917 г. согласия на формирования в России из военнопленных самостоятельной чешской армии. В августе их национальный совет выпустил заем в 20 миллионов франков для нужд армии и революции. В октябре генерал Духонин⁸ подписал приказ о формировании чехословацкого трёхдивизионного корпуса.

Но события шли катастрофическим ходом. Наступала расплата. Октябрьская революция, большевицкий переворот с его лозунгом — прекращение войны и заключение мира. Духонин был убит в Могилёве большевиками, Русская армия разваливалась. Положение чехов-военнопленных стало снова под вопросом.

После революции, весной 1917 года, поспешил в Россию Масарык, — который подробно описывает это в своей книге «Die Weltrevolution», не скрывая, что в Россию императорскую он ехать побаивался. Причина лежит, понятно, не в том, что утверждает Масарык, эта одна из самых знаменитых фигур современности — по своей изворотливости и по умению делать самые грязные дела с благочестивым видом. Книги людей, подобных Масарыку, представляют для масс тем большую опасность, что написаны они человеком, обладающим эрудицией и начитанностью, в этих книгах ложь перепутана с правдой во всех случаях, когда это удобно или выгодно автору.

Масарык по приезде в Россию связался, во-первых, со всеми «вождями» революции, которые, по его собственному свидетельству, были ему очень близки, а далее он поступил всецело в распоряжение французской миссии в

6 Dr. Hugo Hassinger, Professor der Geographie an der Universität Basel «Die Tschechoslowakei», стр. 313.

7 Dr. Hugo Hassinger, Professor der Geographie an der Universität Basel «Die Tschechoslowakei», стр. 477.

8 Генерал-лейтенант Николай Николаевич Духонин был последним начальником штаба (ставки) верховного главнокомандующего в Могилёве, а после исчезновения Керенского заступил на место главнокомандующего. Оставался на своём посту до конца. После большевицкой революции, был арестован 3-го декабря 1918 г. прапорщиком Крыленко (новым главкомверхом). Большевики-матросы в тот же вечер вытащили генерала Духонина из вагона и зверски убили его.

России. В своей книге Масарык роняет характерную фразу⁹: «Мы (т. е. чехословацкий корпус). были автономной армией, но в то же время были и составной частью французской армии, мы зависели в денежном отношении от Франции и от Антанты.»

Чехословацкий корпус осенью 1917 года сосредотачивается на Украине. Сначала чехи ведут переговоры с украинским правительством, но потом делают вольт, и Масарык самолично договаривается с большевицким главнокомандующими Муравьевым¹⁰, причём между ними устанавливается известная близость. Масарык допускает в чешские полки большевицких агитаторов, результатом чего происходит вполне понятная частичная большевизация чехов.

Почти целый год пробыл отец чешской интриги в России, посетив Петербург, Москву, Киев и Владивосток. Масарык входил в связь со всеми кругами, но, как сам он заявляет с гордостью, он отклонил предложение о сотрудничестве с генералами Алексеевым¹¹ и Корниловым¹², начинавшими тогда отечественную работу именно на слишком широком демократическом базисе и на принципе «верности союзникам», которая чуть не превосходила даже верность самой России. Зато Масарык прочно связался с левым русским лагерем; помимо Муравьева, им были укреплены его отношения с рядом революционных деятелей полубольшевицкого типа. Одновременно в национальный чешский совет в России были набраны левые, ультра-социалистические люди из военнопленных. Чехословацкий корпус был предоставлен для углубления русской революции. Для чего это было нужно, — увидим из следующих глав. За своё почти годичное пребывание в России (с мая 1917 по 1 апреля 1918) Масарык провел лишь следующие мероприятия: чехословацкие военнопленные были им переименованы в «легионеров»; впервые это имя появляется в России. Затем эти легионеры были им распропагандированы, — все силы направить на создание своего нового государства, не стесняясь никакими моральными нормами; чтобы это было

9 Т. G. Masaryk, «Die Weltrevolution». Стр. 200.

10 Муравьев, бывший офицер императорской полиции, занял у большевиков осенью 1917 г. пост главнокомандующего в Малороссии. Оттуда он был назначен на Волжский фронт также командовать армией, но возбудил в большевиках подозрение и был застрелен в затылок комиссаром.

11 Генерал Алексеев был последним начальником штаба Государя Николая II в Могилёве. Играл в России в военном мире одну из выдающихся ролей.

12 Генерал Лавр Георгиевич Корнилов самая яркая фигура войны и революции. Раненый при Горлицком прорыве в мае 1915 г., попадает в плен в Венгрию. В 1916 году бежит из плена через Румынию в Россию, где получает в командование корпус. После революции становится на сторону республиканцев, но борется всем силами против развала армии. В августе 1917 г. арестован в Могилёве по приказу Керенского и заключён в тюрьму. После большевицкого переворота бежал из тюрьмы со своими сторонниками на Дон, где вместе с генералом Алексеевым приступил к созданию белой добровольческой армии. В рядах её убит разрывом снаряда во время руководства боем под Екатеринодаром 13 апреля 1918 г.

легче, Масарык заранее пел своим «ребятам» восхваления. Русские офицеры были им постепенно удалены с командных постов.

Все усилия чехов были теперь направлены на то, чтобы уехать из России и перебраться на западный фронт во Францию. Самым коротким направлением было на Архангельск и Мурманск и затем морем во Францию. Но, как откровенно признается Масарык¹³, от этого пути отказались из-за страха перед немецкими подводными лодками. Был выбран путь через всю Россию к Тихому океану, на что от большевиков было получено согласие. Весною 1918 г. чехословацкий корпус был погружен в вагоны и растянулся по всему Великому Сибирскому пути, от Пензы до Владивостока.

Германское и австро-венгерское правительства потребовали от советов во исполнение Брест-Литовского мирного договора разоружение этих военнопленных и обратного заключения их в концентрационные лагеря, очевидно с тем, чтобы затем они были возвращены на родину уже не как «легионеры», а как солдаты-изменники и дезертиры. Большевики предъявили в мае 1918 года чехословацкому корпусу ультиматум, требуя сдачи русского оружия.

Моральное состояние чешских воинских частей было в то время очень низкое. После русской революции чешский национальный совет получил разрешение производить формирование из лагерей военнопленных; это-то и привело к разворачиванию небольшой бригады в армейский корпус. Увеличение в количестве повлекло за собой колоссальное ухудшение в качестве. Ряды бойцов наполнились людьми, желавшими только уйти из-за колючей проволоки концентрационного лагеря, бывшими дезертирами, изменниками знамени и присяге.

На офицерские должности, включая даже и высшие командные, были подготовлены чешским национальным комитетом, — на замену русских офицеров, — свои из солдата. Они подбирались не по отличиям, не по высоким качествам, а исключительно по преданности национальному совету и по готовности следовать его «революционной морали». Так появились новые чешские генералы и полковники. Из них только один Чечек был ранее младшим офицером австро-венгерской армии; Гайда обладали стажем фармацевта, Сыровой — коммивояжера и т. д.

Часть чешских эшелонов послушно сдала большевикам пушки, пулемёты и винтовки. Но русские офицеры, остававшиеся тогда ещё в штабах и на некоторых командных постах и носившие даже чешскую форму, собрали около себя крепких людей и решили оружие сохранить, отказавшись подчиниться ультиматуму. Эти люди понимали, что безоружные они будут игрушкой в руках советской власти, и решили пробиваться на восток силой.

Последовал ряд выступлений чешских воинских частей против красной

13 T. G. Masaryk, «Die Weltrevolution». Стр. 207.

армии, направившей свои отряды для отобрания у чехов оружия. Вот как описывает этот эпизод генерал-лейтенант ***¹⁴, после большевицкого переворота живший весну и лето на Волге, где он принял активное участие в борьбе с большевиками.

«Весною 1918 года великая война была ещё в полном разгаре. Предсказать её исход было невозможно. Хозяйничанье Мирбаха в Москве и вывоз из России продовольствия в Германию крайне тревожили наших бывших союзников. Они готовы были поддержать всякое движение против большевиков. Восстание чехов как нельзя лучше содействовало планам Франции и Англии о воссоздании восточного фронта на линии Волги или даже Урала, для отвлечения хотя бы части войск с западного фронта. Используемое агентами Франции и Англии стихийное восстание чехов привело к союзной интервенции в Сибири.

Предполагалось, что чешское движение даст толчок ко всеобщему движению широких слоев русского населения против большевицкого режима, а чехи послужат тем ядром, около которого соберется возрождённая русская армия (как орудие, послушное французской и английской политике. К. С.)

С военной точки зрения действия чехов в Сибири представляют собою ряд незначительных боевых эпизодов, ибо мало-мальски серьёзных боевых сил у большевиков в Сибири не было.

Целый ряд сибирских городов (Омск, Иркутск, Челябинск) был очищен от большевиков даже без участия чехов, русскими офицерами и добровольцами. Чехи с гордым видом победителей торжественно вступали в них без всякого выстрела, принимали, как должное овации населения и тотчас же «приступали к реквизиции русского казённого имущества.

В итоге все рассказы чешских бардов о легендарном сибирском походе, выражаясь деликатно, страдают большим преувеличением. Весь этот поход не носил характера настоящей войны, а скорее карательной экспедиции, причём потери чехов, начиная от Владивостока и кончая Казанью, в процентном отношении были ничтожны».

Ниже приводится ещё выдержка из отчёта одного русского строевого офицера, участника всего сибирского периода.

«Преследуя отступающего противника и ведя бои на линии железной дороги Шадринск—Богдановичи (Средний Урал), в конце июля 1918 года наши

¹⁴Генерал-лейтенант ***, бывший начальник генерального штаба в С.-Петербурге и один из ближайших сотрудников адмирала Колчака, — выразил мне пожелание, чтобы его псевдоним не был открыт. Причина, — как и в других аналогичных случаях, когда на этих страницах мы принуждены вместо полного имени ставить инициалы или звёздочку, — заключается в следующем: руководители чешской «политики», чтобы закрыть рот, не останавливаются перед личным преследованием и местью. Все документы, доказывающие аутентичность изложенного, имеются и своевременно будут обнародованы.

войска встретили сильное сопротивление у узловой станции Богдановичи. Шадринский отряд (где тогда состоял оперативным адъютантом автор отчёта, шт.-капитан В. К. Э.) был направлен в обход на разъезд Грязновку, где после 24-часового боя выбил противника и захватил в плен два красных бронепоезда. Вскоре произошла встреча нашего отряда с чешскими частями, медленно шедшими от Екатеринбурга. Наш отряд, имея задачу быстро выдвинуться на север, передали броневики на временное попечение чехов. Акт об этом был подписан русскими и чешскими представителями.

Договор выполнен не был.

Броневики взятые трудами Шадринского отряда, чехи не возвратили, присвоив себе. Многократные обращения к чешскому командованию остались без результата. Август—сентябрь 1918 года были особенно тяжёлыми в боевой жизни нашего отряда, переименованного тогда в 19-й Петропавловский полк. Сильное сопротивление встретили мы особенно на участке Ирбитская Вершина — Самоцвет — Кордон, надолго задержавшее наше продвижение.

Начальник боевого участка подполковник Смолин, обратился с просьбой о присылке на помощь чешского броневика, так как мы имели только самодельный, из мешков, на обыкновенных платформах.

Двухдневный бой стоил нам больших потерь, и имел лишь местный успех. Чешский броневик не поддержал нас, держась все время за прикрытием железнодорожной выемки и даже не выходя вслед нашему самодельному броневику, ходившему в атаку и повредившему большевицкий броневик. Чехи не сделали ни одного выстрела». После боя чехи заявили о своём уходе, но перед тем командир чешского бронепоезда просил выдать ему удостоверение об участии чешского броневика в бою. Подполковники Смолин, не зная, что собственно написать чехам, предложил чешскому командиру составить текст удостоверения, надеясь на его скромность. Я сел за машинку, а чех, диктуя мне, внёс в текст удостоверения фразу, запомнившуюся мне и по сей день:

— «люди чешского бронепоезда дрались, как львы...»

Подполковник Смолин, прочтя готовое удостоверение, долго смотрел пристальным взглядом в глаза чешского командира. Чех даже не потупился. Подполковники Смолин глубоко вздохнул, подписал бумажку и, не подавая чеху руки, пошёл к полотну железной дороги.

Через несколько минут чешский бронепоезд ушёл навсегда.

Больше за все время наступательной борьбы на фронте я не имел никакого соприкосновения с чехами, только из далёкого тыла долетала на фронт популярная в то время частушка:

...«друг с другом русские воюют,
чехи сахаром торгуют...»

В тылу, за спиной сибирской армии, шла вакханалия спекуляции,

неподчинения, а подчас и откровенного грабежа. Прибывающие на фронт офицеры и солдаты рассказывали о захвате чехами эшелонов с обмундированием, следовавшим на фронт, об обращении в свою пользу запасов оружия и огнестрельных припасов, о занятии ими в городах лучших квартир, а на железных дорогах лучших вагонов и паровозов.

Большое возмущение вызвал слух о том, что генерал Гайда, после взятия Екатеринбурга, поселился со штабом в доме Ипатьева, где была убита царская семья, велел мыть полы и приводить в порядок, тем самым уничтожая следы преступления. Все это впоследствии подтвердилось».

Чтобы было понятнее дальнейшее, надо окинуть, хотя бы коротким взглядом то состояние, в какое пришла в то время Россия. Неподготовленная страна устала выше меры от трёх лет ненужной войны за дело Антанты и бурлила уже 14 месяцев в революционном брожении. Царь был в заключении, в центре богатого промышленного Урала, в городе Екатеринбург. В небольшом особняке горнопромышленника Ипатьева стерегла Царскую Семью, а затем зверски умертвила, — большевицкая красная стража. Власть в центре и на местах захватили «во имя народа» большевики-коммунисты, опираясь на чернь и на распущенных, разнузданных революцией матросов и запасных солдат. Играя на их самых низких инстинктах, новая власть декретировала насилия, грабёж и убийство, истребление буржуазии.

Тогда же по всему русскому простору — от Днестра до Тихого океана — стали собираться все лучшие силы страны, всех народностей России, готовясь тайно, в заговор, чтобы выступить повсюду с оружием в руках и одновременным ударом сбросить ненавистную власть крайних социалистов, блокировавшихся с ворами и убийцами. Национальная Русь собирала свои силы против интернационала. В каждом городе было в то время такое тайное отделение этих антибольшевицких сил, во главе которых стали спасшиеся от большевиков офицеры. Ясно, что те русские офицеры, которые оставались ещё у чехов и которые подняли их восстание, легко и скоро договорились со своими товарищами из тайных организаций. Для того, чтобы не упустить благоприятный случай, было решено, — даже в ущерб общей готовности, по всему пути чешских эшелонов поддержать их. Повсюду чехам оказали самую деятельную помощь эти тайные организации русских офицеров и казаки.

Справедливость требует сказать, что без этой помощи восстание чехословаков не имело бы успеха, — на каждой станции, по уходе чехов, снова появлялись бы большевицкие банды, борьба приняла бы затяжной характер в чужой для чехов стране, на железной дороге, длиной в пять тысяч верст, со всеми преимуществами на стороне красных. Чехи были бы разбиты по частям и уничтожены.

Многострадальное русское офицерство встало с оружием в руках на всем пространстве от Волги до Тихого океана против большевиков. Да и самые

боевые действия чехословацких полков руководились и направлялись только русскими офицерами (как полковник Ушаков, павший в бою у Байкала, Степанов, Богословский и др.)

Но эти настоящие скромные герои, чтобы обеспечить помощь чехов в дальнейшем, охотно уступали им первое место, сохраняя его для себя только в бою. Население забрасывало своих бывших военнопленных цветами и подарками, как избавителей. Помню то тяжёлое, точно придавленное камнями, настроение, которое русские офицеры и казаки испытывали месяцами в Астрахани под гнётом большевиков, в их тюрьме. В этом городе особенно свирепствовал красный коммунист в отместку за неудачное зимнее выступление астраханских казаков и за двухнедельную войну с ними. Все было придавлено, масса людей выбита и брошена в тюрьмы, белая организация насчитывала всего несколько десятков. На самостоятельное выступление не было никаких видов.

И вот в те дни пришли известия о действиях чехо-словаков на Великом Сибирском пути. Большевики тревожно зашевелились и завернули ещё крепче кровавый пресс, которым давили население города. Но за то, какой восторг вспыхнул в этих измученных и затравленных сердцах. Вера в то, что чехо-словаки, действительно, руководимые высоким порывом, идут на помощь, надежда на скорое окончание тяжёлых испытаний и кровавого разгула большевиков, — вот, что в те дни наполнило сердца русских людей. И это-то сделало в те дни имя «чехо-словаков» так популярным, что им готовы были приписать все геройские подвиги и все свойства доблести и чести.

Этим воспользовались руководители этого корпуса, в первую голову чешский национальный комитет в России, а за ними и руководители всей чешской интриги, Масарык и Бенеш, чтобы составить и пустить по всему миру славу про «Анабазис чехов». Ниже, на основании документов и лично виденного, будет мною дана истинная картина этого акта.

IV. «Анабазис» легионеров.

(Июнь — Октябрь 1918).

Летом 1918 года правительство стран Антанты и её объединённое командование были совсем не уверены в исходе войны; наоборот, они опасались своего поражения и полной победы Германии. Поэтому-то Антанта делала решительно все для того, чтобы использовать ещё раз как-нибудь Россию, бившуюся в смертельных судорогах большевицкой революции.

После быстрых успехов первого выступления вдоль Великого Сибирского пути, чехи были по приказу из Парижа повернуты на запад, к Волге, чтобы там образовать восточный фронт против Германии и тем оттянуть хотя бы часть её войск с западного фронта. Торжественно, как звон большого колокола, прозвучали ноты Великобритании Японии, Америки, Италии и Франции,

обращённый с призывом к народам России сплотиться около русского национального знамени с оружием в руках для борьбы «с Германией и её прислужниками — большевиками», — как гласили текст. «Ни одна пядь русской земли», — клялись в своих нотах дальше союзники, — «не будет занята и суверенитет России не будет нарушен»

А Бессарабия?.. А Волынь?.. А ранштаты?..

Но тогда взоры всех были устремлены на Сибирь, и на Урал. На Волге, действительно, был образован новый русский фронт. Русские добровольцы и чехи, повёрнутые сюда с востока, взяли без особых трудов и потерь города Уфу, Бузулук, Самару, Сызрань. Симбирск, Хвалынский, Вольск... 7-го августа 1918 г. была занята Казань, что далось также очень легко; неорганизованные большевицкие красные части бежали при приближении чехов и русского офицерского отряда. Отборные советские войска, гвардии революции: полки латышей, китайцев и матросов были отвлечены на южном фронте против белой русской армии и на подавление крестьян в центре России. Случайно и наскоро набранные красные части из рабочих и запасных солдат, без офицеров, не представляли какой-либо серьёзной силы, сопротивление их равнялось нулю, при первом пушечном выстреле эти банды в панике разбежались.

К тому же, «расправа чехов», — пишет один из участников того похода: — «со своими противниками была короткая. Попавшийся в их руки немец или мадьяр расстреливался на месте. Та же участь ждала каждого русского красноармейца, имевшего в кармане какие-либо ценности»¹⁵

После взятия Казани был образован Волжский фронт, во главе с чехом Чечеком, который был из поручиков произведён в генерал-майоры. Главнокомандование над всеми войсками, действовавшими в районе Волги и Урала, принял на себя Ян Сыровой, назначенный к тому времени чешским национальным комитетом на должность командира чехословацкого армейского корпуса. Русские добровольческие отряды шли безропотно в подчинение чешским безграмотным генералам и офицерам, бывшим коммивояжёрам и приказчикам.

Порыв в то время, летом 1918 года, был грандиозный. Наша, тогда ещё не выбитая и не забитая, интеллигенция посылала тысячами свою учащуюся молодёжь в ряды белой гвардии. Офицерство поголовно бралось за винтовки; нередко старые генералы становились простыми номерами к орудиям или рядовыми во взводы. Выдвинулся блестящий военный талант молодого полковника генерального штаба В. О. Каппеля¹⁶, который делал чудеса маневра, поспевал всюду, бил красных, как хотел, и своими обходами расчищал путь для

¹⁵ «Чешские аргонавты в Сибири». Токио 1921, стр. 5.

¹⁶ Полковник, впоследствии генерал В. О. Каппель — один из ближайших сотрудников адмирала Колчака. Во время сибирского ледяного похода зимою 1919-1920 г. г. простудился, заболел воспалением лёгких и умер на походе.

чехов. Их полки, увлечённые нашим порывом, шли вперёд вместе с русскими. Их подхватила та же могучая волна и увлекали лёгкие победы.

И опять-таки вся слава, вся благодарность радостными волжанами, освобождёнными от кровавого гнёта большевиков, отдавалась чехословакам. Их только-только не носили на руках. И дарили им все, дарили широко, по-русски, от сердца. Забитые и полуголодные бедняки - чехи стали богатеть от русской щедрости. Аппетиты у них разгорелись, и очень скоро у чехов вошло в обычай тотчас по занятии города, — нашими ли белогвардейцами или ими, — приступать к «реквизиции русских казённых складов, налагая руку иногда и на частное имущество. Но и к этому вначале наши относились равнодушно, не придавая большого значения: все бери, наплевать, — только помоги с большевиками покончить!

С самого начала образования восточного фронта чешский национальный комитет проявил массу усилий и интриг для того, чтобы на освобождённой русской территории вызвать к жизни и укрепить власть из тех кругов, с которыми так сблизился за своё пребывание в России Масарык

Точно чёрное воронье летит тучами к месту несчастья, — так потянулись на Волгу все революционные вожаки партии Керенского и Чернова¹⁷. Это собрание социалистов-полу-большевиков, углубителей революции, которым до России и её судьбы не было ровно никакого дела, которые к тому же являлись рабски послушными исполнителями воли Антанты, — нашло полную поддержку в чешском национальном комитете.

В то время старая политическая власть России была и в центре, и на местах в корне разрушена, и теперь, вследствие стихийности движения и огромных пространств от Волги до Тихого океана, возник сам собою целый ряд органов временной русской власти: в Самаре, главной квартире Чечека, — комитет членов учредительного собрания или, по существу, полу-большевицкое учреждение; в Уральске — казачье правительство; в Оренбурге — атаман Дутов с оренбургским казачьим кругом; в Екатеринбурге — уральское горное правительство; в Омске — сибирское правительство; в Чите — атаман Семёнов¹⁸; в Харбине и Владивостоке — свои правительства. Чтобы покончить с этой разногласицей и сумбуром, чтобы привести страну в порядок, было созвано в конце августа—начале сентября в Уфе государственное совещание для конструкции единой авторитетней всероссийской власти.

На этом совещании приняли участие «представители всех перечисленных местных правительств делегаты от казачьих войск и от политических партий.

17 Керенский и Чернов принадлежали к партии социал-революционеров (марксистов). После революции февраля 1917 г. и до большевицкого переворота играли выдающуюся роль, служа целям углубления революции, состоя послушными исполнителями указаний «союзников».

18 Генерал атаман Семёнов (Забайкальского казачьего войска) поднял с 1918 г. борьбу против большевиков при поддержке Японии.

Голоса разделились; хотя монархисты на это совещание и не были допущены, но все же большинство оказалось на стороне несоциалистического блока; за этим большинством стояла и фактическая сила, добровольческие отряды и казаки.

Вот тут-то впервые и выступили открыто на политическую сцену чехи. На собрании появился окружённый национальным комитетом и представителями чехословацкого войска доктор Богдан Павлу и заявил, что если не будет образована единая русская власть, то чехи бросают боевой фронт; законной же властью чехи могут признать, — спекулировал дальше чешский политический руководитель, — лишь ту власть, которая будет составлена из собравшихся в Самаре членов учредительного собрания.

Для всякого русского было ясно, что это означало прямое давление на русских людей — призвать к власти снова ту партию, которая раз уже доказала свою неспособность к борьбе, которая не имела воли к победе, которая исполняла приказы иностранцев и работала в их интересах. Партию, которая уже однажды ввергла под руководством своего лидера Керенского Россию в бездну разрушения, позора и гражданской войны — в 1917 году.

Но к нашему несчастью, наглое заявление Павлу на Уфимском государственном совещании, это первое вмешательство чехов во внутренние русские дела не встретило должного отпора; рыхлая масса людей не нашла в себе силы и твёрдости выгнать зазнавшегося чеха из собрания и обуздать их распущенные банды военнопленных дезертиров. Нельзя, правда, строго винить и осудить тогдашнее собрание: за время полутора лет безумной и кровавой революции слишком устала воля людей. Все страстно хотели иметь помощь против большевиков, и тогда ещё верили в честь и искренность чехословацких полков. В результате была образована в Уфе на совещании, как единая русская власть, Директория из пяти членов под председательством Авксентьева, ближайшего сотрудника и партийного товарища Керенского.

Точно также был установлен приоритет над этой Директорией со стороны членов учредительного собрания.

И вот, как раз в те дни, когда эта власть, угодная чехам, была сконструирована, начался развал и отступление чешских войск.

Насколько просто, легко и приятно было первое выступление и занятие городов, настолько оборона Волжского фронта потребовала от чехов настоящей службы, сопряжённой с немалыми усилиями, жертвами и потерями. Большевики, встревоженные не на шутку занятием Казани, начали принимать ряд энергичных мер, чтобы овладеть ею обратно. Для них Казань была не только важным стратегическим узлом, — это был также ключ к обладанию богатыми жизненными припасами Поволжья и Прикамья, т. е. единственными в то время, вследствие занятия Украины, источниками пропитания центра России. Советская власть направила на Казанский участок все свои лучшие части, во

главе с латышскими полками.

Оборона Казани лежала на ветеране чешской дружины полковнике Швеце. Он имел влияние на солдат-чехов, и несколько дней они отбивали атаки красных, которые сосредотачивали под Казанью все больше и больше сил. Привыкнув к лёгким победам, чехи были буквально ошеломлены яростным натиском красных; боеспособность легионеров понижалась с каждым днем. Полковник Каппель, чтобы выручить их, предпринял со своим добровольческим отрядом обходный маневр в тыл большевикам.

В самую решительную минуту, чехи, втянутые своими политиками в митингование, порешили не выполнять боевого приказа своего начальника Швеца и, вместо поддержки полковника Каппеля движением вперед, категорически отказались оставаться далее на позиции.

Положение русского отряда сделалось крайне опасным, критическим; с большими потерями и лишь благодаря своему искусству удалось Каппелю спасти отряд, но... не Казань. Чехи ушли с казанского участка тайком, никого даже не предупредив. 9-го сентября город попал снова в руки большевиков. Эта «оборона» Казани, — замечает один из видных участников тех дней, — была лебединой песней чехословацкого выступления.

Через два дня также оставлен Симбирск. Затем отдали Вольск, Хвалынский, Сызрань. Чехи бросали теперь позиции, не выдерживая атак красных. Чехи перестали совсем сражаться. Они уходили при первом натиске большевиков, увозя на подводах и в поездах все, что могли забрать из богатых войсковых складов — русское казённое добро. Надо иметь в виду, что на Волге оставались тогда ещё колоссальные заготовки времени 1910 и 1917 годов для фронта мировой войны.

«Нагрузив на поезда свою богатую добычу, чехи двинулись на восток. За ними хлынула волна беженцев Поволжья.

Прикрытие отступления освободителей-чехов и их военной добычи легло на плечи русских офицеров и добровольцев. Плохо обутое, без тёплой одежды, с чувством глубокого возмущения смотрели эти истинные герои на перегруженные тёплой одеждой, обувью и прочими запасами чешские эшелоны. Здесь впервые были посеяны те семена отчуждения, между чехами и русскими, которые впоследствии дали пышные ростки распри и взаимной ненависти. Такими словами отмечает те дни объективный очевидец¹⁹.

За чехами тянулись толпы беженцев с Волги, стариков, женщин и детей. То население, которое несколько недель тому назад забрасывало чехословацкие полки цветами и подарками, восторженно приветствовало их, как избавителей. — эти люди шли теперь пешком, — редкие ехали на подводах, — «потревоженные с насиженных мест, на восток, в неизвестное будущее.

19 «Чешские аргонавты в Сибири». Токио 1921, стр. 9.

Оставаться им по домам было нельзя, ибо не только за помощь чехам, но за простое сочувствие им, большевики беспощадно расстреливали целые семьи.

Можно себе представить, какие чувства были у этой обездоленной и преданной толпы!

Царил неопиcуемый ужас и среди тех сотен тысяч населения приволжских городов, что были брошены теперь поспешным и без боев отступлением чехов на произвол и на расправу чрезвычайек. И невольно возникали вопрос: Зачем было все это?! Лучше бы и не было чехов в России совсем, чтобы они и не выступали...

Действительно, это было бы много лучше, так как самое выступление было преждевременно, оно сорвало тайную работу белогвардейских организаций, творящуюся тогда подпольно на всем пространстве России, сорвало в тот момент, когда дело было ещё не подготовлено, не объединено и положение ещё не созрело.

На заборах и на стенах всех городских зданий и железнодорожных станций ещё пестрели разноцветные бумажки прокламаций чехов, обращения их к русскому населению. Все эти призывы начинались словами: «Русские братья!.. Наши страждущие русские братья и сестры!..» Чешский национальный комитет и командование призывало население Поволжья и Урала к общей борьбе против большевиков, с громкими обещаниями драться до победного конца, до последней капли крови...

А вместо этого — сдача всех позиций, отказ от выполнения боевых приказов, предательство по отношению к русским офицерам и добровольцами. И трусливое бегство стад этих здоровых и откормленных чешских легионеров. До последней капли крови!.. Да, сколько русской крови было пролито в те месяцы в подвалах чека, сколько русских женщин было обещено и загублено большевиками из-за чехов. Проклятия неслись им вслед от всего населения с берегов могучей прекрасной русской реки, нашей голубой Волги.

Настроение чешских полков под влиянием всего этого, естественно, упало ещё ниже. Начавшееся воровство и новое дезертирство находило себе не только оправдание, но и богатый пример в их руководящем и всеильном органе — чешском национальном комитете. Это были политические авантюристы, тёмные дельцы и приверженцы, — в то время, — самой крайней социалистической группы. Чтобы добиться популярности и влияния среди солдатской массы, они обратились к самой грубой и беззастенчивой демагоги.

На их ответственности, главным образом, и на их совести лежит вся кровь, пролитая за те проклятые месяцы, и моря слез русских женщин.

Павлу, Гирса, Патейдль, Медек, Благош — были руководителями чехословацкого комитета, а их вдохновителем, избранный ими

«революционный вождь» Фома Масарык²⁰.

С большим трудом и опасностями, под частой угрозой смерти удалось мне с моей женой пробраться к белым, вырвавшись из Астрахани, где свирепствовал разнузданный коммунист-большевик. Частью на лодке по Волге, частью верхом в сопровождении проводников киргизов, сделали мы свыше 500 километров по прикаспийским степям и через Уральск, Бузулук, Самару — достигли Уфы во второй половине сентября.

На Волге впервые пришлось автору этого труда увидеть чехов. Тогда не могло придти в голову предположение, что видишь сборище трусов, сделавших своей специальностью дезертирство, измену и воровство. Из долгого и мучительного пребывания в большевицком астраханском застенке мы вынесли взгляд на чехов, которым в то время были проникнуты все россияне там, у большевиков. Чехословаков считали героями, исполненными доблести и чести; верили в то, что они совместно с лучшей частью русского народа выступили беззаветно и незаинтересованно против гадости и низости большевиков.

В первый же день действительность принесла разочарование; в легионерах поражала какая-то ненормальная суетливость, бегающие, беспокойные глаза и чересчур большая угодливость, — точно они спешили перед каждым русским принести заранее в чем-то извинения. Все чехи обращались тогда к нам, русским, прибавляя через каждое слово обращение «брат», и были приторно ласковы.

Опытному солдатскому взгляду сразу же бросалось, в этой массе легионеров отсутствие настоящей военной выправки, дисциплины и той простой молодцеватости, что свойственна настоящему воину, честному и храброму солдату. Толпы чехов, заполнившие приволжские города, больше напоминали лакеев, переодетых в военную форму.

Больно поразило в первый же день то, что пришлось услышать от своих русских офицеров: Чехи не хотят больше сражаться!

Но почему же их не заставят?... Как это? — солдаты не хотят сражаться?!... На это же есть военно-полевой суд... и расстрел...

В ответ получался лишь безнадёжный взмах руки.
— Да разве возможно применение таких решительных мер при этой власти, при полубольшевицкой Директории, которая сама заискивает перед легионерами?... А потом, чехи находятся под особым покровительством союзников...

Богдан Павлу, опираясь на штыки легионеров, грозил на Уфимском государственном совещании уводом чешских полков с фронта, если не будет образована единая российская социалистическая власть. Русские люди

20 T. G. Masaryk, «Die Weltrevolution». Стр. 192.

проявили недопустимую слабость. Власть эта, угодная чехам, была избрана в лице Директории. И только что это случилось, как чехи, побежали с фронта, очищая Поволжье, отдавая его на расправу большевикам.

Когда Директория, под давлением общественного мнения, напомнила руководителям чешских масс их обязательства, попробовать также воздействовать на них через англичан и французов, — то чешский национальный комитет повел интриги и против Директории. Для этого чехи объединились тесно с левыми социал-революционерами во главе с одною из самых грязных фигур русской революции, В. Черновым. Чернов и чешские заправилы призывали уже в октябре население Сибири к восстанию против Директории, обвиняя и её в контрреволюционности.

Но несмотря и на это, Директория продолжала носиться с чехами. Ею было далее оставлено командование всем Уральским фронтом в руках чешского «генерала» Яна Сырового, несмотря на то, что уже с сентября все бои и арьбергартная служба всей тяжестью легли на русские добровольческие отряды Волжан и Уфимцев, Уральцев и Сибиряков. Но Директория надеялась этим реверансом перед чехами получить хоть частичную помощь на фронте.

Всякое, отступление вносит в ряды войск некоторую деморализацию, — это лежит в самой природе события. А то постыдное отступление, какое осенью 1918 года совершили чешские полки-легионы от Волги на восток, и безнаказанное, сопровождаемое узаконенными грабежами, — быстро дополнило их разложение. Этот процесс ещё более усилился от той демагоги, которую расплодили и все усиливали тогдашние их руководители, чешский национальный комитет, верный исполнитель заветов профессора Масарыка.

Эти люди кричали на все концы мира, что их цель — «борьба за демократию», и что «вмешиваться во внутренние дела России они не желают и не будут». И в то же время они только и делали, что вмешивались во внутреннюю борьбу русских партий, поддерживая своими штыками все время только крайних социалистов, полу-большевиков, запродавших давно свою совесть и русское чувство.

Среди низов чехословацких полков велась постоянная и все усиливающаяся пропаганда против всякой русской отечественной национальной работы, против всякой сильной личности. Чешские политиканы, обдывая свои тёмные махинации, уверяли солдатскую массу, что они борются против «реакции» и помогают «соблюдать интересы русского народа»!

На то унижение, на которое пошла Директория, вручив командование всем Уральским фронтом бывшему коммивояжёру Яну Сыровому, одетому в форму чешского генерала, — чехи ответили новыми наглыми поступками. Сыровой приняв высокий пост, сам отказался подчиняться распоряжениям, исходящим от русской власти: он заявил, что будет ожидать приезда в Сибирь французского генерала Жанена, назначенного из Парижа главнокомандующим

чехами. Как раз к этому времени, в конце октября, пожаловал в Омск и полномочный представитель Великобритании, генерал Нокс.²¹ Не имея желаний работать с левой вялой и безвольной Директорией, правильнее, не видя в этом никакого толка и пользы для отечества, а скорее вред, — пишущей эти строки принял решение ехать во Владивосток, чтобы там подготовить крепкие и надёжные кадры офицеров и унтер-офицеров для нового армейского корпуса, с надеждой в будущем, им обезоружить преступные и развращённые чешские массы. Перед отъездом, мне удалось объехать почти весь Уральский противобольшевицкий фронт, проделав часть этой поездки вместе с Ноксом.

Он лично мне высказывал в те дни и не один раз его глубокое возмущение и негодование распушенной чешской солдатней, нежеланием чехов воевать и их грабежами, которые все чехи. — и солдаты, и офицеры, и генералы, — широко применяли к русскому казённому имуществу.

Даже внешний вид чешских легионеров стал к тому времени гадов и отвратителен. Они потеряли уже и свою «внутреннюю» дисциплину, о которой кричали в Самарские дни. Они выглядели теперь, как красноармейские банды. Без погон, в умышленно-небрежной неформенной одежде, с копной кудлатых волос, с насупленным, злобным и вороватым взглядом из-под заломленной на затылок шапки, вечно руки в карманах, чтобы не отдать по ошибке и по старой привычке честь офицеру, — вот портрет чеха легионера в Сибири осенью 1918 года.

Толпы их бродили на всех станциях железной дороги, молчаливые, державшиеся кучками в десять-пятнадцать человек, — в одиночку ходить они боялись. Эти банды распушенной солдатни, двойных дезертиров, ничего не делали, кроме обильного и регулярного наполнения своих желудков и бестолковых, бесконечных словопрений на политические темы.

Мне пришлось встретить в Челябинске в вагоне у генерала Нокса и Яна Сырового. Это был коренастый, неуклюжий и сырой человек лет тридцати пяти. На его вульгарном толстом лице поблёскивал мутным недобрым светом и вспыхивал хитростью единственный маленький глаз; другой был всегда закрыт чёрной повязкой, что, — по уверению чехов, — придавало ему сходство с их известным гусситом Яном Жижкой.

Держал себя этот командир корпуса более чем развязно; но было видно, что нахальными манерами и тоном чех старался прикрыть свою пустоту, и недостаток образования и воспитания, неловкость оттого, что залетела ворона не в свои хоромы.

21 Генерал великобританской службы Нокс был долгое время военным атташе Англии в С.-Петербурге до войны, а также и во время войны. В самом начале белого движения в Сибири, осенью 1918 г. Нокс был командирован из Англии в Сибирь, где впоследствии занял место, равноценное с французом Жаненом — в вопросах снабжения «союзных» войск.

С жгучим стыдом вспоминаю всегда, как за этим парвеню почтительно выступала фигура русского генерала, тоже в чешской форме, одного из лучших специалистов по службе генерального штаба, неисправимого и усердного «славянофила» — Дитерихса. Он вел всю работу за необразованного Сырового, придавая ему вес и значение, прикрывая своим авторитетом чешское зло.

Нокс пытался уговорить чехов и воздействовать на Яна Сырового, чтобы его полки не оставляли фронта, а сражались против большевиков. Но это, ни к чему не повело. Вскоре все чешские полки и батареи бросили позиции совсем, начисто отказавшись воевать и, уйдя с оружием в руках в тыл. Молодые, вновь формируемые белые части Сибирской армии заняли их места и сохранили Уральский фронт, отбив все атаки красных. За спиной сибиряков расположились в тылу чешские легионеры.

Среди 50.000 чехословацкого корпуса нашёлся лишь один, который не вынес позора развала и разнузданности. Полковник Швец, бравший Казань и пытавшийся оборонить её, боролся долго против деморализации солдатни и сдерживал массы. Но и его полк отказался выполнить боевую задачу и решительно потребовал увода в тыл. Полковник Швец собрал солдат, долго говорил с ними, грозил, что обращается к ним в последний раз, взывая к их чести и порядочности, требуя выполнения боевого приказа. Полк не подчинился и направился в тыл за другими.

Тогда полковник Швец вернулся в свой вагон и пустил себе в голову пулю. Как раз в те дни, как мне пришлось быть в Челябинске, происходили похороны этого честного солдата. Печальный серый осенний День. Сеял мелкий дождь. На могиле застрелившегося Швеца чешские политики говорили звонкие речи и лили крокодиловы слезы... Очевидно, их толстая кожа не давала им чувствовать, что вместе со Швецом они хоронили и свою короткую славу, что истинными убийцами этого солдата были они, виновники развала.

Несмотря на крайние усилия Директории и союзнических миссий, чтобы воздействовать на чехов и образумить их, заставить вернуться на фронт, — все их части наотрез отказались сражаться. В конце октября чехословацкий корпус был полностью уведён в тыл. Это точная дата, подтверждаемая документами. И совершенно ложно утверждение д-ра Бенеша, который: пишет в своей книге²²:

«Переворот Колчака 18 ноября 1918 г. отбросил наши войска от общей военной работы с русскими, так как они не хотели нести части ответственности за внутренние политические события, они постепенно оставили Волжский фронт и удержали в своих руках лишь железную дорогу для своих целей».

Это ложь. Уже в конце октября, т. е. за три недели до переворота, все чехи ушли самовольно в тыл. Генерал-лейтенант*** так говорит о том времени²³:

22 Edward Benesch, «Der Aufstand der Nationen», стр. 552.

23 «Чешские аргонавты в Сибири». Токио 1921, стр. 11.

«В тылу чехи заняли лучшие помещения, а находившиеся вдоль железной дороги их эшелоны, расположившись с комфортом, захватили под жильё и под свою «военную добычу» огромное количество вагонов, что сразу привело к расстройству транспорта. В Челябинске и Екатеринбурге собралось много совершенно свежих и отъевшихся в тылу чешских частей, но выступить на фронт они категорически отказались. Мало того, чешский национальный комитет поднял вопрос об эвакуации всех чешских войск из Сибири. Мы подчёркиваем этот факт, ибо впоследствии главари чехов имели наглость утверждать, что чехи отказались от дальнейшей активной борьбы с большевиками только потому, что не хотели поддерживать власть Колчака. Между тем, в описываемое нами время благополучно здравствовала Директория, социалистические тенденции которой не подлежали сомнению».

Уйдя в тыл, чехи стянули туда огромные запасы украденного русского имущества, которое и охраняли усиленными караулами с винтовками в руках. Вот краткий перечень имущества, вывезенного чехами в первый период после отступления от Волги.²⁴

«Добыча чехов поражала не только своим количеством, но и разнообразием. Чего, чего только не было у чехов. Склады их ломились от огромного количества русского обмундирования, вооружения, сукна, продовольственных запасов и обуви. Не довольствуясь реквизицией казённых складов и казённого имущества, чехи стали забирать все, что попадало под руку, совершенно не считаясь с тем, кому имущество принадлежало. Металлы, разного рода сырьё, ценные машины, породистые лошади — объявлялись чехами военной добычей. Одних медикаментов ими было забрано на сумму свыше трёх миллионов золотых рублей, резины на 40 миллионов рублей, из Тюменского округа вывезено огромное количество меди и т. д. Чехи не постеснялись объявить своим призом даже библиотеку и лабораторию Пермского университета. Точное количество награбленного чехами не поддается даже учёту. По самому скромному подсчёту эта своеобразная контрибуция обошлась русскому народу во многие сотни миллионов рублей и значительно превышала контрибуцию, наложенную пруссаками на Францию в 1871 г. Часть этой добычи стала предметом открытой купли-продажи и выпускалась на рынок по взвинченным ценам, часть была погружена в вагоны и предназначена к отправке в Чехию. Словом, прославленный гений чехов расцвел в Сибири пышным цветом. Правда, такого рода коммерция скорее приближается к понятию открытого грабежа (или вооружённого воровства), но чехи, как народ практический, не были расположены считаться с предрассудками».

К этому добавим, что чехами было захвачено и объявлено их собственностью огромное количество паровозов и свыше двадцати тысяч вагонов. Один вагон приходился, примерно, на двух чехов. Понятно, что такое

²⁴ Газета «Дело России», Токио 1920, № 12.

количества подвижного состава им было необходимо для провоза и хранения взятой с бедной России контрибуции, а никак не для нужд прокормления корпуса и боевой службы.

Нам, русским офицерам, было ясно тогда же, что эти развращённые и ленивые банды необходимо во что бы то ни стало привести в порядок самыми решительными и беспощадными мерами. Но две причины мешали нам осенью 1918 г. привести это в исполнение: первая — наши части были тогда ещё слишком слабы; кроме того, они должны были одновременно с формированием вести непрерывную боевую службу против большевиков, держать фронт на Уральских горах. Другой причиной было то, что образованная в Уфе под давлением чешских штыков Директория была сама настроена так, что её председатель Авксентьев попал далее под подозрение связи с полубольшевиком Черновым; власть Директории была призрачна, а кроме того, как правоверные марксисты, они были готовы карать и давить только все правое, национально настроенное. С чехами же у Директории были отношения близкие, родственные.

Зато население Сибири и армия ненавидели чехов с каждым днем все сильнее. Прикажи тогда русская власть расправиться с ними, — вся Сибирь пошла бы охотно, как один человек. Вскоре тогда же, в начале ноября произошёл такой показательный случай. Военный и морской министр Директории адмирал Колчак прибыл особым поездом в Екатеринбург, чтобы лично ознакомиться с нуждами русского боевого фронта. Разнузданные чешские солдаты начали задевать самой площадной бранью чинов конвоя русского военного министра. Чешские офицеры, стоявшие там же, не только не останавливали, но ещё подзадоривали. Один из этих «офицеров» направился к вагонам адмирала, вход куда посторонним был воспрещён. Русский часовой хотел остановить чеха-офицера; со стороны последнего последовала отборная ругань, а затем попытка ударить часового. Тогда русский стрелок пустил в ход оружие, — что он обязан был сделать по закону, принятому для всех армий, — и смертельно ранил чеха.

Все иностранцы проявили возмущение этим случаем, но чешский национальный комитет стал на сторону безобразников, нарушителей порядка — чехов. Застреленному чеху создали парадные похороны, антирусскую демонстрацию. Политиканы из чешского национального комитета говорили над могилой речи, полные ненависти к России и русским.

Необходимо было все силы обратить на усиление русской военной мощи и на образование такой власти, которая была бы свободна от партийного намордника и хомута, которая понимала бы всю серьёзность и ответственность отечественной работы. Ведь Россия должна была не только победить красные банды большевиков, но и построить крепко и основательно, удобно для всех своих народностей здание государства, разрушенное революцией. А тут ещё среди этих грандиозных задач болталось это грязное, чуждое России тело,

чешский корпус, который нужно было обязательно скрутить и обезоружить, иначе успех всего дела становился под серьёзную угрозу.

Общественность всех оттенков и партий, кроме крайних марксистов-полубольшевиков, поняла серьёзность момента, объединилась вместе и вручила полную власть одному лицу, адмиралу А. В. Колчаку.²⁵

Это был крупный русский патриот, человек большого ума и образованности, учёный путешественник и выдающийся моряк-флотоводец. Личность его вырисовывается исключительно светлой, рыцарски чистой и прямой. Адмирал Колчак любил правду и стремился к справедливости. Он относился также и к Германии и к немецкому народу безо всякой предвзятости, отдавая должное его трудолюбию, таланту к организации и склонности к порядку.

Не погибни адмирал Колчак, преданный чехами, как и его армия, — история России пошла бы по иному, и Германия разговаривала бы и заключала договоры не с жалкой кучкой интернационального сброда, не с большевиками, а с национальной русской властью. За это то французы и окрестили адмирала и его ближайших сотрудников германофилами, а чехи стали с самого начала и до конца в явно-враждебное отношение.

Адмирал понимал всю недопустимость дальнейшего пребывания чешской солдатни в таком виде в Сибири, но он в то время не имел ещё достаточно силы. А кроме того А. В. Колчак, как человек, отличался слишком большой добротой, мягким и даже чувствительным сердцем. Его волевой характер, надломленный революцией, был очень вспыльчив, но и сразу отходчив. Адмирал Колчак принял на себя полноту власти, как тяжёлый подвиг, руководимый лишь чувством самопожертвования во имя долга, чести и спасения отечества.

Переворот произошёл в Омске ночью 18 ноября 1918 г. совершенно безболезненно. Члены Директории были арестованы, а потом высланы из пределов России. Никто в Сибири не поднялся на их защиту. Одни чехи намеревались выступить открыто против провозглашения верховным

25Адмирал Александр Васильевич Колчак родился в С.-Петербурге в 1873 г., окончил морской корпус в 1894 году. Принимал участие в двух научных полярных экспедициях (1900-1904 и 1908-1910); за научные труды был награждён большой золотой Константиновской медалью. В русско - японскую войну командовал миноносцем «Сердитый», а затем сухопутной крепостной батареей. После войны провел ряд важных работ по воссозданию русского флота. Во время мировой войны занимал ответственный пост в Балтийском флоте, а в июне 1916 года был назначен командующим Черноморским флотом с производством в вице-адмиралы. Обладая огромным влиянием на людей, адм. Колчак долго сдерживал после революции разложение флота. Но пробил и здесь час — матросня потребовала разоружения офицеров. А. В. Колчак бросил свою золотую саблю в море, отказался дальше командовать флотом и уехал в Петербург. Вскоре он был командирован в Соед. Штаты Сев. Америки, а в 1918 году вернулся в Россию, на Д. Восток, где и принял живое руководящее участие в отечественной борьбе. Был застрелен большевиками в Иркутске 7-го февраля 1920 года.

правителем России адмирала Колчака, — но не посмели. Они только трусливо будировали и ограничились составлением вместе с Черновской партией прокламаций с новым призывом населения Сибири к восстанию. Да, когда были посланы из Омска офицеры для ареста Чернова, чтобы поставить последнего перед военно-полевым судом, то чехи скрыли его у себя, а затем помогли бежать в Россию к большевикам.

На наше русское горе, лишь Гайда, бывший в то время начальником чешской дивизии, открыто выразил адмиралу Колчаку свои симпатии и преданность, предлагая в первый же день свою поддержку. Хитрый чех знал настроение и намерение русского офицерства и солдат и решил провести игру в целях личного выдвижения; как раз в то время между Гайдой и Сыровым начались нелады и соревнование из-за первенства. Адмирал Колчак поверил искренности Гайды и с тех пор отличал хитрого честолюбивого чеха, взяв его даже тем же чином генерала на русскую службу.

Молодое, очень длинное лицо, похожее на маску, почти бесцветные глаза с твёрдым выражением крупной, хищной воли и две глубоких упрямых складки по бокам большого рта. Форма русского генерала, но без погон, снятых в угоду чешским политиками. Голос тихий, размеренный, вкрадчивый, однако, с упрямыми нотками и с противным чешским акцентом. Короткие, отрывистые фразы. Позирование на героя, на сильную, волевою натуру военачальника, солдата и вождя.

Так сохранилось у меня в записках первое впечатление об этом человеке, сыгравшем особенно злую роль в русской трагедии десять лет тому назад. Первый раз я видел этого чеха в октябре 1918 года в Екатеринбурге, в одном небольшом военном кругу. Тогда Гайда проводил такую точку зрения:

«Русский народ совсем не может иметь теперь, немедленно, парламент. Я в этом убедился, пройдя всю Россию и Сибирь в два конца. И от революции все устали, хотят порядка. По-моему мнению, России нужна только монархия и хорошая демократическая конституция. Но теперь нельзя. Надо скорее военную диктатуру. Я поддержу своими полками, если найдется русский генерал, который возьмёт власть на себя.»

Но он оказался бессилён удержать части своей чешской дивизии на фронте и в конце концов увёл их тоже в тыл. Тут вскоре у него начались скрытая распри с Сыровым — на почве личных вожделений и непомерного честолюбия. Гайда хотел играть первую скрипку. Сыровой мечтал стать вторым Жижкой.

Мнение адмирала о легионерах было совершенно отрицательное. И он не скрывал этого, часто с брезгливой усмешкой, называя их «ворами, трусами, дезертирами и изменниками». Однако, предложение своих ближайших сотрудников — разоружить силою чешские полки и батареи — адмирал Колчак отклонял, ссылаясь на то, что тогда с «союзниками не избежать конфликта».

Во второй половине ноября приехали во Владивосток из Парижа генерал француз Жанен²⁶ и словак Стефаник²⁷, первый министр чехословацкого правительства. Этот был из редких среди чехов людей, типа полковника Швеца.

Стефаника даже Бенеш рисует в своей книге «идеалистом» и человеком чести. Стефаник, увидев, что представляет из себя чешское воинство, пришёл в ужас. И он поставили себе задачей — ликвидировать чешский национальный комитет, привести чешские воинские части в порядок, наладить в них дисциплину и подчинить их фактически командованию генерала Жанена. Во всем этом он встретил противодействие и среди своего командного состава, и у политических руководителей чехов, и в солдатской массе. Ничего не добившись, Стефаник скоро уехал обратно в Прагу. Перед отъездом он не скрывал перед нами своего возмущения всем виденным среди чехов и своей горечи за то бесчестие, которое легионеры вписали в первые страницы истории «свободной Чехословакии». Жанен остался в Сибири. Чехи ему подчинились только номинально. Жанен безвольная и хитрая креатура, приехавший к тому же с особыми, тайными инструкциями, занял с самого же начала такую позицию: внешне он выражал адмиралу Колчаку почтение и преданность, а русской армии сочувствие и желание помогать,—на деле же, за нашей спиной, он поддерживал все дальнейшие подлости чехов, а, может быть, даже и руководил ими.

"С приездом Жанена — «анабазис легионеров» окончился. Чехи требовали теперь все настойчивее от союзников вывоза их из Сибири морем для возвращения на родину: война с центральными державами прекратилась, и в Версале был рождён новый член Европы — чехословацкая республика.

Верховный правитель адмирал Колчак и высшее русское командование поддерживали перед союзниками это желание чехов: нам было необходимо для успеха нашего отечественного дела убрать как можно скорее из Сибири этот вредный балласт, 50.000 разнузданных, ленивых, вороватых, вооружённых и враждебных России солдат.

Какое это было зло и какая угроза в тылу! Но, к несчастью, союзники не нашли возможным удовлетворить желание чехов. И эти банды были оставлены

26 Генерал Жанен (французской службы) был долгое время в России, говорил по-русски и уверял всегда в своей любви к России, а с некоторыми из русских генералов был даже на «ты». Во время мировой войны состоял некоторое время военным атташе Франции при русской главной квартире. Когда в Париже возникла мысль ещё раз использовать Россию против центральных держав, Жанен был послан в Сибирь, как главнокомандующий всеми «союзными» силами против большевиков.

27 Стефаник был товарищем Бенеша и Масарыка в течение их заграничной революционной подготовки против Австро-Венгрии. Из Парижа он был послан в Сибирь с Жаненом. Вернувшись от туда, Стефаник, военный министр чехословацкой республики, спешил на аэроплане на родину. Уже на чешской территории аэроплан был обстрелян чешскими солдатами, потерпел аварию и упал на землю. Стефаник был убит. Случай этот до сих пор не расследован и в нём таится много тёмного.

в Сибири, где они увенчали «анабазис» достойным концом.

V. Подготовка чешского предательства.

(Ноябрь 1918 — Ноябрь 1919).

Необъятные, на тысячи километров пространства плодородных степей, благословенный чернозём которых дает ежегодные урожаи без какого-либо удобрения почвы. Девственные леса тянутся к северу от степного пояса и занимают поверхность, превышающую во много раз всю Европу. На юг от степей проходят цепи могучих диких гор, почти нетронутых человеком. Среди них берут начала реки, которые широкими полноводными лентами тихо текут, пересекают материк через степной пояс и через девственные леса.

Тайгой зовут леса эти; полны они дичью и пушным зверем. Многоводные реки изобилуют разной рыбой, а в песке речном много россыпей золота. Горы поражают разнообразием и огромными запасами минералов, драгоценных камней, нефти и угля. Богат божьими дарами край тот, и имя ему Сибирь.

Зима, действительно, там суровая и долгая, с начала ноября и по конец марта; пять месяцев покрыта Сибирь снегами, а около рождественских святок трещат морозы выше 30 градусов Реомюра. Но зато какой несравненный чистый воздух, напоенный озоном! Какие единственные по красочности оттенки освещений! Какая зимняя охота и спорт!

Остальные семь месяцев года падают на весну, лето и осень. Летом в Сибири вызревает пшеница и так жарко, как в южной Германии.

Население Сибири — деревня от деревни отстоит верст за тридцать — самостоятельные, крепкие люди, отличающиеся здоровьем, выносливостью и большой физической силой. Из-под густых бровей, сдвинутых вместе, смотрят серьезные серые глаза, стального оттенка. Твёрдо, упорно, с большой волей, отражая в прямом взгляде своё честность, веру в Бога и уверенность в себе. Потомки колонизаторов Сибири выработали поколениями свой негнувшийся характер. В сибирской семье царит патриархальный уклад жизни и чистота нравов, соединённая с примитивными, близкими к природе отношениями. Искреннее гостеприимство и готовность всегда пойти на помощь, отличают сибиряков. И даже революция своими вихрями не потрясла здесь, ни прочности семьи, ни крестьянского общества. Не редко было увидеть в старой, рубленой из столетних сосен, избе сибиряка-крестьянина в красном углу, пониже дедовских старых икон — портреты четырёх последних царей. Лето работают в поле, над нивой, или на реке, а зимние месяцы все мужчины — на лыжи, винтовки за плечи, и в тайгу...

Такова наша Сибирь. Места, работы и Божьих даров там на всех достаточно, хватит на население в несколько сот раз большее, чем сегодня.

И вот, в этой-то стране и разыгрался тот тяжёлый акт русской драмы, в

котором чехи сыграли преступную роль иуд-предателей.

С осени 1918 года части чехословацкого корпуса двигались все более в глубокий тыл, чтобы там устроиться безопаснее, и среди безоружного населения выжидать возможности эвакуации морем в Европу. Среди чешских масс все шире разливался процесс нравственного разложения, но зато параллельно с ним шло и усиление влияния чешских политиканов. А они, понятно, стали в скрыто-враждебные, но непримиримые отношения к новой русской государственности, которая медленно, среди необычайных трудностей, налаживалась постепенно в Сибири адмиралом Колчаком и его сотрудниками. Молодая армия крепко стояла на отрогах Уральских гор.

Вся зима 1918-1919 года прошла в передвижении частей чехословацкого корпуса по железной дороге в тыл и в долгих уговариваниях со стороны французской миссии Жанена стать в тот или другой город, или на станцию Сибирской линии. Все чехи стремились к большим, богатым сибирским городам, как Новониколаевск, Красноярск, Иркутск и Владивосток. Всю зиму эти пятьдесят тысяч военнопленных, разжиревших на отличных сибирских хлебах, ровно ничего не делали.

Повсюду в Сибири можно было видеть этих парней. Наглое, одутловатое лицо, чуб, выпущенный из-под фуражки, по большевицкой моде. Развалистой ленивой походкой сновали туда и сюда группы легионеров, и вечно все они тащили под рукой что-то завёрнутое в бумагу или платок. Все чехи были одеты щеголями, — новая форма, сшитая из русских наворованных сукон, форсистые сапоги бураками, иногда лаковые, на руках перчатки. Нельзя не повторить, что многострадальная русская армия в то же время сражалась на Уральском фронте против большевиков и терпела во всем недостаток.

Как следствие разложение чешского войска, среди их солдат и офицеров появился огромный процент больных скверными секретными болезнями. Для них очистили госпиталь, оборудованные заботами и на средства «союзников» России; этими грязными больными наводнили все города, включительно до Владивостока. Мне лично пришлось наблюдать это на Русском Острове, лежащем в океане, против Владивостока. Там была собрана группа русских офицеров и солдат, общей численностью в 1500 человек, которые провели четыре месяца в горячей, напряжённой работе для подготовки кадров для новых образцовых формирований. Результаты работы скоро сказались: был установлен порядок, введена воинская дисциплина, люди обратились снова в хороших, исполнительных воинов, сбросив с себя нездоровый революционный налёт. И когда три батальона этих отборных людей, в тесных, сплочённых рядах, отбивая по-военному шаг, шли по улицам Владивостока, то впечатление получалось сильное.

В двух верстах от моего офицерского батальона, на Русском же Острове, помещался огромный, ещё довоенного времени госпиталь, оборудованный

теперь одной миссией для венериков-чехов. Первые недели приходилось наблюдать, как эти негодяи тянулись по белому снегу к нашим казармам и потом подолгу стояли, наблюдая со злобной и насмешливой миной лица за нашей работой, особенно за строевыми занятиями и за боевой подготовкой в поле. В противовес установившемуся у нас порядку, эти чехи вели себя, как бродяги, распущенно, нахально и грубо. Из-за этого возникали недоразумения, и нескольким чешским солдатам наши били морду. Как начальник гарнизона Русского Острова, я принужден был отдать приказ, что впредь таких чешских солдат, нарушителей порядка и установленных правил воинской дисциплины, задерживать и предавать военно-полевому суду.

Полное бездельничанье, и разгильдяйство среди чехов стали нормальными явлениями. Единственное было занятие — они развили торговлю и спекуляцию не только награбленным ранее имуществом, но и новыми товарами, привозимыми ими с Дальнего Востока. Для этой цели чешское командование и их политические руководители начали беззастенчиво использовать русскую железную дорогу, которая при всем напряжении не могла удовлетворить потребностей боевой русской армии, населения Сибири и нахлынувших туда беженцев Поволжья.

Довольствие 50.000 чехов брало одну треть всего наличного транспорта, обращавшегося тогда на Сибирской железной дороге, что давало на каждого чешского солдата по несколько десятков пудов ежемесячно. На действительные потребности войсковых частей чешского корпуса шла меньшая часть этого, — львиную часть транспорта составляли разные ходкие товары, поступавшие потом от чехов на сибирский рынок. Надо вспомнить, что Сибирь, после долгой войны и революции, испытывала большой товарный голод. Не удовлетворяясь этой спекулятивной, незаконной торговлей, чешские руководители скоро стали передавать, за очень большие, понятно, деньги, частным лицам, ловким спекулянтам, своё «право» на целые вагоны.

«Особенное признание должно быть по заслугам уделено хозяйственным, финансовым и культурным (?) работам нашей сибирской армии. На этом всего лучше обнаружился гений нашей (чешской) расы. В массе наших (чешских) войск отыскивались скоро сильнейшие индивидуальности, которые сумели организовать и направить работу. Но эта работа была понята каждым рядовым солдатом и поддержана его содействием...» Так наивно и в то же время нагло заявляет руководитель чешской дипломатии, отделяясь общими фразами.²⁸

Так вот, взглянем на фактическую сторону, как, именно проявлялся в те ужасные годы страдания русского народа «гений чешской расы» в Сибири. Уже к зиме 1919 года возникло несколько громких судебных дел, — чешские руководители были пойманы в употреблении русского транспорта на незаконную торговлю. Однако, Омское правительство оказалось принужденным

28 Edward Benesch, «Der Aufstand der Nationen», стр. 554.

потушить эти преступные случаи: не было достаточно сил, чтобы резко и круто прекратить преступления чехов, а союзнические миссии закрывали на них глаза, генерал же Жанен играл общую с чехами игру. Крикливая часть русской общественности, сочувствовавшая втайне большевикам, носила лишь маску преданности и единения с адмиралом Колчаком; эти люди, давние друзья Масарыка, открыто поддерживали чехов. Армия же и русское население Сибири терпеливо ждали, когда эти «доблестные» легионеры-спекулянты уберутся вон из России.

Адмирал Колчак решил положить в будущем конец этому вопиющему безобразию. Он сдерживал себя до того времени, когда можно будет всех чехов выбросить во Владивосток, чтобы там перед их посадкой на суда произвести ревизию всех их грузов. К участию в этой ревизионной комиссии намечено было привлечь и представителей от союзных миссий, которые не могли бы уклониться от этого. И тогда преступление чехов стало бы во весь свой рост. Воров и грабителей уличили бы с поличным.

Это намерение адмирала Колчака стало известно чехам, повлияло сильно на их руководителей и заставило пойти на открытое предательство. Ясно, что, чем крепче установился бы порядок в тылу, чем сильнее упрочилась бы там государственная организация, — тем неотвратимее была бы расплата для преступных чешских элементов. Данные же были на лицо, что усиление государственности и порядка в Сибири, несмотря на все препятствия и трудности, шло верными шагами вперёд. И виделся день освобождения, когда русская национальная мощь окрепнет в тылу, даст усиление боевому фронту и очистит всю Россию от разной преступной мерзости.

Вот тогда-то и состоялось тайное соглашение между чешскими руководителями, так называемым чешским национальным комитетом, и русскими полу-большевиками, оставшимися тогда в Сибири в виде партии эсеров, и сумевшими захватить, в свои руки такие необходимые для жизни общественные органы, как кооперативы. Это соглашение перекинулось незримыми нитями из Сибири к большевикам, в Москву.

План предательства этим комитетом, зачатый Масарыком ещё в Киеве осенью 1917 года, заключался в следующем: чехи будут всемерно содействовать свержению правительства адмирала Колчака и переходу власти в руки партии эсеров (полу-большевиков), за что получают право вывоза всех своих грузов и ценностей, награбленных на Волге, на Урале и в Сибири. Такова основа соглашения. Рука руку моет...

Все это в то время проделывалось, понятно, в глубокой тайне; тогда мы не могли установить деталей и времени этого дьявольского плана, мы только угадывали его; лишь перед немногими государственными людьми тогдашней России ясно вырисовывалась нависшая смертельная опасность от «братцев»-чехов. Теперь, *post factum*, это ясно каждому, кто возьмёт на себя труд

познакомиться с событиями, происходившими в далёкой Сибири в годы 1918-1920, кто отнесется к этим событиям объективно и добросовестно.

Объяснение сродства и той близости, что установились между чешскими политиками и русскими полу-большевиками, мы находим и в книгах Масарыка, и Бенеша. Последний указывает и на истоки этой дружбы висельников. Вот, что пишет он²⁹:

«Пребывание в Париже привело меня в круг русских революционеров 1905 года, которые произвели на меня глубокое впечатление. В годы 1900 и 1907 я вращался в обществе этих революционеров и был членом их союза. По возвращении в Прагу, я оставался в связи с ними.»

В сущности, полное соглашение между русскими полу-большевиками и чехами установилось давно, с первых дней революции, с марта 1917 года. С той поры велась и общая их разрушительная работа, направленная во вред России. Обе стороны боялись, что отечество наше встанет из революционных обломков и протянет руку Германии, протянет крепко, честно и напрочно, по-русски.

Бенеш, стоявший все время мировой войны у самого котла большой чешской интриги, отмечает³⁰, какой страх царил во Франции в правительственных и общественных кругах в конце 1917 года и в начале 1918, — что Германия приложит все силы к соглашению и соединению с «новой Россией», т. е. с той, которая должна была образоваться тогда же, после большевиков, на место царской России, рухнувшей в обломках революции. И дальше: какое облегчение испытывал Париж, когда его опасения не оправдались!..

Другой заправила интриги, старый Масарык, пытался это чувство страха в союзниках снова пробудить и усилить. В его книге³¹ приведён меморандум, который он подал союзникам 10 апреля 1918 года в Токио, «по возвращении своём из России. В пункте I Масарык советует союзникам признать большевицкое правительство *de jure* и *de facto* и даже поддерживать его. Дальнейшие 12 пунктов заключают обоснование к этому; в них чешский политикан призывает союзников к борьбе с Германией и Австро-Венгрией на русской почве, — выставляя, как пугало, что германские агенты завладеют постепенно в России всем, начиная от промышленных акций и кончая прессой.

Союзники России, приехавшие помогать нам против большевиков, образовали железнодорожный комитет, который взял на себя явочным порядком регулировку вопросов эксплуатации дороги и движения на всем участке, от Омска до Владивостока. И, хотя зачастую русские интересы, даже интересы боевого фронта, приносились в жертву различными интернациональным целям, которыми была пропитана вся интервенция 1918-1919 г. г., — русскому

29 E. Benesch, «Der Aufstand der Nationen», стр. 2.

30 E. Benesch, «Der Aufstand der Nationen», стр. 511.

31 T. G. Masaryk, «Die Weltrevolution». стр. 212-216.

министру путей сообщения приходилось подчиняться.

Дело в том, что Сибирь не располагала ни одним заводом для постройки паровозов, вагонов и запасных частей. Все это заказанное и частью ополченное ещё царским правительством в Соединенных Штатах и Канаде было теперь обещано доставить и передать правительству адмирала Колчака. Во Владивосток прибыло большое количество запасных частей, осей и колёс, несколько паровозов. Интернациональный железнодорожный комитет выдавал все это русскому министру путей сообщения, при условии его подчинения распоряжениям комитета. Можно видеть на одном примере чехов, как подобные отношения вредно отзывались на деле, как сильно мешали работе и вредили русским интересам.

Ведь только на этой почве наши бывшие военнопленные, составившие в 1917 году «союзные» войска чешские, а затем польские, румынские и т. п., захватили в свои руки огромное количество подвижного состава. Только за тремя чешскими дивизиями числилось 20.000 вагонов!

Исключительно лишь вооружённой силой можно было заставить этих «интервентов» вернуть захваченные паровозы и вагоны. А все русские войска были отвлечены на фронт, где с каждым месяцем борьба становилась интенсивнее, упорнее, тяжелее. Русским железнодорожникам приходилось принять факт этого ограбления и изворачиваться тем подвижным составом, который оставался в распоряжении русского министра путей сообщения.

Сибирская магистраль тянется на тысячи верст, и проходит густою тайгой или беспредельными степями. Большевики и их агенты в Сибири направили все внимание на эту важнейшую артерию, питавшую армию и страну, обеспечивавшую также вывоз сырья. Они организовали несколько больших банд, которые, укрываясь в тайге, в глухих местах, производили оттуда систематические нападения, устраивали крушения поездов.

Чтобы иметь крепче и вернее железную дорогу в своих руках, интернациональный железнодорожный комитет решил поставить свои войска на охрану её: от Владивостока до Байкала — японцы, около Байкальского озера — 30-й американский полк и румыны, участок Иркутск — Томск — Новониколаевск — три чешских дивизии, Новониколаевск — Барнаул—Бийск поляки³². Чехи не хотели долгое время становиться на охрану, но союзники припугнули их, что не дадут им в будущем морского транспорта в Европу. Тогда легионеры подчинились приказу.

Но охрана железной дороги неслась ими крайне своеобразно. Если учащались случаи нападения банд на какой-либо участке со стрельбой, с убийствами часовых и с крушениями поездов, — то усиливались караулы, ловили нескольких разбойников, вешали их, а банду отгоняли в тайгу. И на этом

32 5-ая польская дивизия, сформированная французами в Сибири и впоследствии также преданная большевикам чехами.

успокаивались. Когда местная русская власть предлагала им дело довести до конца, преследовать банду и уничтожить её с корнем, — получался стереотипный ответ:

— «Это не наше дело...»

Если же большевицкие банды после этого производили повторный нападения на караулы, то чехи устраивали так называемую карательную экспедицию. На угрожаемом участке чешские «охранители порядка» сжигали два-три богатых сибирских села, — за их, якобы, отказ выдать преступников-бандитов.

Это вызывало вполне понятное страшное озлобление мирного крестьянского населения, сыновья которого сражались за русское национальное дело в рядах белой армии. Чехами разжигалась вражда, и ряды большевицких шаек пополнялись. На всех станциях железной дороги, от Иркутска до Томска и Новониколаевска, были чешские коменданты, которые гнули спины перед представителями Антанты, были сдержанно-вежливы по отношению к русским властям и проявляли недопустимое высокомерие и хамское пренебрежение к русскому населению.

Таково было положение на Сибирской железной дороге в то время, когда роль её выдвигалась на первое место и приобретала огромное значение в деле обеспечения успеха в великой русской отечественной задаче.

К весне 1919 года чехов разместили вдоль железной дороги по квартирам. Но они заявили, что поездов, двадцать тысяч вагонов, они не отдадут; чешское командование выставило к этим вагонам, нагруженным краденым добром, усиленные караулы. Все это делалось под покровительством чешского главнокомандующего, французского генерал-лейтенанта Жанена.

В середине марта 1919 года на меня было возложено поручение адмиралом Колчаком осмотреть гарнизоны всех больших городов Сибири. Проездом из Владивостока некоторых из них я посетил вместе с английским генералом Ноксом. В Иркутске нас пригласил к себе командующий войсками округа, генерал-лейтенант Артемьев. Во время разговора он развернул перед нами ужасную картину разнузданности чехов-легионеров и вреда, приносимого ими населению. Старый боевой русский генерал-лейтенант трясся от гнева и от сдерживаемого негодования — поставить на место эту трусливую, развращённую массу чехов, которых в своё время взял не мало в плен и корпус генерала Артемьева в Галиции и в Польше.

Представитель Великобритании Нокс, который был отлично в курсе всего, который и сам возмущался в интимном кругу воровством и разнузданностью чехов, — теперь только пожимал плечами и говорил, что надо терпеть, так как «в будущем чехословацкие войска могут-де принести пользу».

Ненависть и презрение к дармоедам, обокравшим русский народ, призвавшим его к совместной борьбе с большевиками, а потом трусливо спрятавшимся в тыл, — возрастала в массах населения сибирских городов, в деревнях и в армии. Проезжая по улицам Иркутска, Красноярска и Новониколаевска, я обращал внимание Нокса на пестревшие на заборах во многих местах надписи мелом и углем: «Бей чехов! Спасай Россию»

Нокс пожимал плечами и бормотал что-то о несдержанности русского народа.

Весну, лето и начало осени 1919 года чехи провели, в тылу Сибири. Ни одна чешская часть, ни один легионер не принял участия в борьбе против большевиков.

Как было упомянуто ранее, сейчас же после переворота 18 ноября 1918 г., чехи заняли по отношению к адмиралу Колчаку враждебную позицию. Только Гайда прислал ему в первый же день телеграмму с выражением своей преданности и готовности поддержать его. Этот жест усилил ещё более расхождение между чешскими генералами. Положение Гайды сделалось очень непрочными, так как чешский национальный комитет стал всецело на сторону Сырового. Гайда представил все дело адмиралу Колчаку так, что его-де, за преданность русскому верховному правителю, выживают с высокого командного поста. Колчак, подавшись своему доброму сердцу и импульсивности характера, сделал чеху почётное предложение — занять и пост командующего 1-й Сибирской армией. С низким поклоном и со словами льстивой благодарности принял Гайда милость высокого русского военачальника. Таким образом Гайда вступил в ряды русской армии и был зачислен в неё чином генерал-майора.

Лучшим русским обществом и офицерством эта весть была принята, как унижительная пощёчина. Уже и тогда ходили в Сибири слухи, что Гайда самозванец, что он на самом деле бывший фельдшер, обманным способом принявший чин офицера при его дезертирстве из австро-венгерской армии в Черногорию. Но эти слухи опровергались официально, а адмирал Колчак, поверивший Гайде безгранично, запретил распространение их под угрозой суровой кары. Чехи же скрывали правду, по вполне понятным причинам.

Теперь, по истечении десяти лет, положение вещей выяснилось. Оказывается, в этом человеке все ложно, начиная с имени³³. He Radola Gaida, а Rudolf Geidl, окончил курс 4-х гимназических классов в Богемии в 1903 г. Два года за тем он изучал при университете косметику, после чего поступил фармацевтом в аптекарскую лавку.

Начало мировой войны застаёт Гейдля в австро-венгерской армии на должности санитарного унтер-офицера. В 1915 году он — в плену у

33«Münchener Neueste Nachrichten», N. 25, 26. Januar 1928, «Der Hochstapler als Generalstabschef».

черногорцев, и здесь решает назвать себя доктором Гайдой, по специальности врачом. Черногорцы поверили ему, и из фармацевта вылупился врач. Гайда служит на этой должности в черногорской армии до её конца в 1916 году. Тогда он решает перебраться в Россию. На итальянском корабле отплывает в Одессу и под именем Радоля Гайда вступает в чешские войска. Здесь предприимчивый и нестесняющийся ничем чех доходит быстро до верха, заняв вскоре место начальника дивизии и генерала.

Адмирал Колчак не только принял этого проходимца на русскую службу, не только доверил ему командование русской армией и осыпал его наградами, но и считали своим другом.

Ранней весной 1919 года белые армии предприняли: наступление с Уральского фронта к Волге. Порыв был очень смелый и сильный, молодые войска, составленные, главным образом, из добровольцев, горячо рвались в бой. Высокая идея — спасение отечества — руководила тем порывом. Последовал ряд боев и блестящих успехов; в течении марта и апреля Западная армия генерала Ханжина продвинулась до Волги, сделав по плохим весенним дорогами в общем протяжении 500 — 600 верст, с тяжёлыми боями.

Красные полчища бежали перед натиском белых. Вот, если бы в то время чехословацкий корпус поддержал хотя бы частью своих сил это блестящее наступление, — то с большевизмом в России было бы покончено. Но чехи и не пошевелились. Более того, Сибирская русская армия, вверенная адмиралом Колчаком чеху Гайде, в это горячее и решающее время бездействовала, хотя и была по своему составу более чем в полтора раза сильнее Западной армии. В течение марта и апреля в Сибирской армии не было ни одного боя. Гайда сосредоточил свои главные силы на направлении Пермь — Глазов — Вятка — Котлас, — надеясь отсюда быстро войти в связь с английскими силами, бывшими в то время в Архангельске, и занять Москву. Уже в то время честолюбивые планы безмерно высоко заносили мысли этого типичного авантюриста.

Никакая сила не могла заставить Гайду сдвинуться с этого направления, чтобы ударом на юге поддержать усталую Западную армию и её успехи обратить в решительную победу. К несчастью и на собственную гибель, адмирал Колчак верил тогда ещё в этого чеха, в его дутую репутацию военачальника, верил этому человеку без совести, без чести, и даже без собственного имени.

Следующая сценка записана у меня из тех дней весны 1919 года.

«Гайда со своим начальником штаба, генералом Богословским, приехал в эти дни в Омск с докладами. Мастерски сделанные схемы наглядно показывали, какую силу представляет из себя теперешний состав Сибирской армии, её организацию, группировку и намеченное увеличение. Гайда горячо отстаивал свою идею движения на Вятку, доказывая, что, взявши её и Казань,

очень легко будет дойти до Москвы.

После доклада, верховный правитель оставил всех нас обедать; разговор за обедом не касался этого вопроса и шёл на самые обыденные темы. Но, затем, уже вечером, в кабинете адмирала остались он, Гайда с начальником штаба Богословским, генерал Д. А. Лебедев и я. Снова мы стали доказывать необходимость приложить все силы, чтобы развить наступление на Поволжье и соединиться с Добровольческой армией; иначе вставала угроза, что Западная армия не выдержит. Вставал призрак катастрофы.

Здесь впервые прозвучали те ноты, которые вскоре мне пришлось слышать в Екатеринбурге. Гайда стал очень искусно затушёвывать и преуменьшать сделанное Западной армией, восхваляя в то же время общий стратегический план, вспоминая и рассказывая эпизоды из своей армии, набрасывая широкие перспективы занятия им Казани, Вятки, соединения с Архангельском, лёгкой подачей оттуда английского снаряжения и товаров. Нарисовал положение Москвы, которая легко и скоро будет занята тогда Гайдой. Все это он пропитывал стружкой тонкой, умелой лести, вплетая уверения о своей беспредельной преданности верховному правителю, и делал это так искусно, что только постороннее внимание могло заметить неискренность и затаённую мысль.

Разговор все делался интимнее и ближе. Часовая стрелка подходила ко времени отхода поезда Гайды. Перед самым отъездом адмирал Колчак обнял его, расцеловал и, обращаясь к остальным, сказал слова, совершенно неожиданные и глубоко нас поразившие:

— «Вот что, послушайте,» — он обратился, называя Д. А. Лебедева и меня, — «я верю в Гайдю и в то, что он многое может сделать. Если меня не будет, если бы я умер, то пусть Гайда заменит меня.»

Было больно слышать и видеть, как после этого Гайда, этот очень хитрый и очень волевой человек, склонился к плечу адмирала, чтобы скрыть выражение своего лица, — торжествующая улыбка змеилась на его тонких губах; тихим, неслышным нам шёпотом что-то нашёптывал он в самое ухо верховному правителю.

Вскоре Гайда уехал; вопрос о координации действий Западной и Сибирской армий остался нерешённым.»

Укрепив своё положение у Колчака, Гайда постепенно снова сблизился и вошёл в тесные сношения с чешским национальным комитетом. Этим политическим интриганам было необходимо использовать положение Гайды в своих целях. Играя на чрезмерном, нездоровом честолюбии, они легко вошли в доверие и окружили его своими людьми, введя их в штаб, захватили в руки своих сторонников такой важный и жизненный отдел, как информационный, типографии и все средства пропаганды Сибирской армии.

В начале мая пишущий эти строки был командирован адмиралом Колчаком в Екатеринбург для инспекции там новых формирований Сибирской армии. Те дни и последняя встреча с Гайдой записаны у меня так:

«Печать Екатеринбурга и Перми, — захваченная, как почти всегда, либералами и социалистами, — вела искусную кампанию. День ото дня все усиливая, пели они дифирамбы Гайде, восхваляя его демократизм, называя его спасителем России, единственным человеком, способным на это великое дело. И опять Москва выставлялась, как близкая заветная цель. Гайда должен войти в Москву первым!

Вскоре приехал в Екатеринбург и верховный правитель, который в эти тяжёлые дни старался личным присутствием помочь на фронте. К приходу его поезда на станции собрались все высшие чины, был построен почётный караул, пешая часть и какие-то конные в фантастической форме, что-то среднее между черкесской и кафтаном полковых певчих. В стороне важно и неприступно прогуливался Гайда, изредка подходя к кому-либо из старших начальников и обмениваясь короткими фразами. Очень интересный и показательный разговор был у меня с ним.

— «Что это за часть?» - спросил я показывая на всадников в коричневых кафтанах, расшитых галунами.

— «То мой конвой.»

— «Что за оригинальная форма у них?.. Сами придумали?»

— «Нет, та форма, генерал, исторична.»

— «Это ещё почему?»

— «Ибо всегда, в России все великие люди, ваш Император Николай Николаевич, все имели коуказский конвой. Я думаю, что, если войти в Москву, то надо иметь и мне тоже такой конвой.»

— «Что же, они у вас с Кавказа набраны, ваши коуказские люди?»

— «Нет, мы берем здесь, только тип, чтобы близко подходил к коуказскому...»
На носках приблизился ординарец и почтительно доложил Гайде:

— «Поезд подходит, брате-генерале!»

Так было принято у Гайды, по-чешскому. Чтобы больше на демократа походить.

Подана команда «на-караул». Оркестр играет «Коль славен». Из вагона выходит адмирал Колчак, слегка сгорбленный, с бледным исхудавшим лицом и остро-блестящими глазами, от бессонных ночей на фронте. Губы плотно сжаты, опустились углы их и около легли две глубокие складки тяжёлых дум. Рапорт. Обходит ряды почётного караула, смотря, по своей привычке, пристальным взглядом в лицо каждого солдата.

— «Спасибо, братцы, за отличный вид!»

— «Рады стараться, ваше... ство-о-о...»

— «Я только что объехал геройские полки Западной армии; им трудно, на них обрушились свежие части коммунистов. Но, даст Бог, одолеем врагов России. Надо только помочь нашим...»

— «Рады стараться, ваше... сто-о-о!» — гремит ответ в воздух. И все лица смотрят радостно и возбуждённо.

Затем адмирал с Гайдой и ещё с несколькими лицами проехали в штаб армии. Здесь начальники штаба, генерал Богословский, сделал оперативный доклад по последним сводкам; положение было таково, что само собою напрашивалось решение. Западная армия несколько отступила, и теперь Сибирская армия имела фронт впереди, сильно выдалась и как бы нависла с севера на фланге у красных. Ударить отсюда сильно, — и полчища большевиков снова побегут к Волге.

Верховный правитель сдавался на это решение, но снова зазвучали тихий, размеренный и настойчивый голос Гайды, снова пошли уверения, что нельзя нарушать плана, что помощь Западной армии гадательна, а здесь он наверняка-де возьмёт Казань и Вятку. И опять вопросов остался нерешённым.

Затем был смотр корпуса, который формировался в Екатеринбурге и составлял резерв Гайды. Как курьёз: в него входил «бессмертный батальон имени генерала Гайды» с коричневыми погонами и шифровкой на них: «Б. Б. И. Г. Г.». У всего корпуса были нашивки на руках «черно-красный угол», как в дни керенщины. Медленно и внимательно обходил адмирал Колчак все части, держа все время руку у козырька фуражки; остро-пронзительно вглядывался он в каждое лицо, как будто хотел запомнить его, как будто хотел передать свою волю, свою горячую любовь к отечеству и желание спасти его. После обхода части прошли церемониальным маршем. Вид людей был хороший, да и обмундирование вполне сносное; подготовка ещё не закончилась вполне, но для развития успеха вместе со старыми частями, можно было послать и эти.

После обеда у Гайды, в его особняке, верховный правитель, усталый до нельзя и от парада, и от стратегических споров, уехал. Вопрос о Сибирской армии был решён так, что она будет продолжать выполнение своего прежнего плана, движения на Вятку — Котлас. Между прочим, Гайда в этот день говорил лично мне, что может взять город Глазов (на этом направлении) в любую минуту; действительно, там было сосредоточено силы более половины его армии.

— «Что же вы не берете?»

— «Сейчас ещё не своевременно. Прикажу взять, когда надо будет.»

По долгу русского офицера — я доложил об этих словах Гайды адмиралу

Колчаку. И снова горячо убеждал его заставить хитрого чеха помочь нашей Западной армии переходом в энергичное наступление главными силами на юг. Верховный правитель выслушал меня, печально кивая опущенной головой. Когда он поднял её, я увидел впервые в его глазах такое большое горе. И он тихо, не улыбаясь, произнёс:

— «А вы знаете, что английский король прислал Гайде, через генерала Нокса, орден Бани?..»

И устало махнул рукой...

Белая русская армия генерала Ханжина, не поддержанная Сибирской армией Гайды и ослабленная двухмесячными боями, не смогла сдержать натиска большевиков, которые бросили все свои силы на Волгу. Как раз в это время Гайда отдал приказ своим войскам перейти в наступление и занять город Глазов. Это было выполнено легко, почти без потерь. Но впечатление в тылу получилось сильное, — ещё бы, успех всегда дает радость, а особенно на фоне других неудач!

Однако, большевики, навалившись на Западную армию, разбив её наступление на Волгу и оттеснив за реку Белую, сосредоточили теперь удар своих главных сил на Сибирскую армию Гайды. И сейчас же вслед за взятием Глазова, начались у него неудачи, которые с каждым днем принимали все больший размер и обратились, наконец, в катастрофу. В некоторых частях Сибирской армии, подпавшей пропаганде чешских и доморощенных политиканов, начались восстания и переход на сторону большевиков; это сопровождалось, как всегда в таких случаях, избиением многострадального русского офицерства.

Гайда использовал эти затруднения по-своему. Он прислал в Омск, минуя верховного правителя, прямо в кабинет министров ноту, в которой излагал, что причина неудач лежит не на нем, а в неумелом руководстве армиями; он грозил, что дело погибнет, если не передадут управление всеми русскими силами ему, Гайде. Особенно он нападал на начальника штаба верховного правителя, на генерала Лебедева. Тон ноты был угрожающий, — что-де, если не подчинят все армии Гайде, то он или уедет совсем, или повернет штыки своей армии на Омск.

Там поднялась большая тревога. Адмиралу Колчаку пришлось ехать самому в Екатеринбург, на свидание с Гайдой; оттуда оба они вернулись в Омск. Здесь шли долгие колебания, переговоры, а Сибирская армия в это время отходила все дальше. Верховный правитель хотел прогнать Гайду, так как уже выяснились почти все его закулисные замыслы и интриги, как равно и связь его с чешскими политиканами. Но, в конце концов, адмирал не решился на этот крайний, как тогда ему казалось, шаг и пошёл на уступки. Гайде была

подчинена Западная армия — в оперативном отношении.

Но действия приняли такой оборот, что через два дня уже пришлось этот приказ отменить. «Бессмертный батальон имени генерала Гайды» перешёл на сторону большевиков; это печальное явление повторялось почти ежедневно на различных участках фронта Сибирской армии. Неудача её, вместо обещанных лёгких успехов, действовала удручающе на войска и на население; а усиливавшаяся пропаганда большевиков и их агентов в Сибири, ввергла массы снова в крайнее нервное состояние, полное волнений и брожения. Этим и объясняются измены воинских частей и переход их на сторону большевиков. Все это происходило как раз в то время, когда внутреннее положение в соседней Западной армии, командование которой в те тяжёлые дни адмирал Колчак возложил на меня, — становилось все прочнее; чисто - народное движение против большевиков увеличивалось там с каждым днем. И в моей армии не было ни одного случая измены.

Сибирская армия, так недавно ещё сильная и многочисленная, таяла и исчезала. Кроме указанных выше причин, много способствовало этому безостановочное отступление, почти без попыток образовать резервы и переходом в наступление остановить натиск красных. Без боев была оставлена Пермь с заводами, с потерей огромного количества снабжения, складов, с потерей всей нашей речной флотилии. Эта безнадёжность, вытекавшая из полного неумения и неспособности фармацевта-генерала, действовала на Сибирские части все хуже и хуже.

В эти дни верховный правитель решил устранить от командования Гайду и заменить его другим лицом. Гайда пытался противодействовать, выступил снова с угрозами, отказался подчиниться. Тогда адмирал Колчак издал приказ об увольнении Гайды в отставку, с лишением его права носить русский мундир.

В особом поезде увозя все свои ценности, в сопровождении близких ему клевретов, под покровительством чешского национального комитета и француза Жанена — выехал авантюрист Гейдль, минуя Омск, во Владивосток. И там засел он до осени.

Мы справились в те дни с бедой. Сибирь, — эта страна неиссякаемых источников, страна будущего, — дала силы, а русская выдержка все переборола. Вместе с отходом вглубь Сибири, мы производили необходимые реформы, пополняли свои ряды и готовились к новому периоду нашей отечественной борьбы.

В тот 1919 год в Сибири была очень мягкая и запоздалая осень. Золотые дни, румяные закаты, нежные зори, и даже ночи были тёплые, лишь с лёгким дыханием приближающейся зимы. Необозримые поля западной Сибири убежали к бледно-голубому горизонту, волнуясь и переливаясь пышными темно-

золотыми колосьями созревших хлебов. Урожай был тогда повсюду на редкость обильный. Тёплая, сухая осень, напоминала собою весну, и была очень подходящим временем для широких активных действий.

Наши армии снова перешли в наступление и ударили по большевикам. Весь сентябрь и начало октября, без перерыва, мы успешно атаковали красных и разбили в ряде боев их силы. Армия, — действовавшая на главном направлении, вдоль железной дороги Челябинск — Уфа — Самара, была под моим командованием. Три корпуса её гнали в течение сентября красных от реки Ишима до Тобола, преследовали их на протяжении, более 200 верст. Операции закончились полным успехом. Но дались они нам не легко, потери убитыми и ранеными почти обескровили мою армию. Мы были принуждены, прогнав красных за Тобол, остановиться на этом рубеже, чтобы пополниться, дать частям отдых и снабдить их тёплой одеждой для предстоящего зимнего похода.

В штабе моей армии поступали сведения о состоянии большевиков в те дни: их полк, во время ученья за Тоболом, разбежался при появлении кучки конных, принятых красными за наших казаков. А пленные красноармейцы и перебежчики от них показывали в один голос:

— «Вся красная армия решила, что, коли белые будут дальше гнать, дойдем до Челябинска с боями, а там все рассыплемся, разбежимся и комиссаров перебьем...»

Опять был момент перегиба истории. Поддержи нас чешские legionеры, хотя бы одной дивизией, хотя бы всего десятью тысячами из пятидесяти, — то красных не существовало бы, не было бы и угрозы III-го интернационала над всем миром. Русский народ был бы освобождён от кровавой его диктатуры. Но обленившиеся и заплывшие жиром банды чехов предпочитали сидеть в тылу, охраняя с оружием в руках наворованное добро.

А большевики, понимая опасность создавшегося положения, все силы направили против нас, бросили все, что было свободного в резервах, снимая части с других фронтов.

В середине октября начались снова ожесточённые кровопролитные бои. Моя армия, не успевшая получить пополнений, таяла с каждым днем. Наконец, на четвёртый день непрерывных боев, красным удалось переправиться через Тобол, прорвав растянутый фронт нашего левого фланга. Нестерпимо мучительно было переживать те дни, когда кучки наших храбрецов, только что совершивших победоносный марш к Тоболу, были принуждены из-за халатности тыла и преступного предательства, отступить снова на восток.

Весь октябрь и ноябрь шли неравные бои. Большевики не потеряли времени даром. Они влили в свои ряды пополнения, усилились свежими частями и были числом сильнее нас во много раз. Наши белые армии отходили все более на восток, отбиваясь на каждом рубеже, терпя жестокие лишения.

Начиналась сибирская зима, а наши части были только наполовину снабжены тёплыми вещами и полушубками. Зато чешские склады и вагоны ломились от награбленного русского сукна, обмундирования и тёплых вещей.

15 ноября большевики заняли Омск, бывший все время столицей правительства адмирала Колчака. Под прикрытием отступавшей армии, спешно производилась эвакуация на восток в поездах по железной дороге всех раненых, больных, семей офицеров и добровольцев, а также и военных грузов.

Наш план заключался теперь в том, чтобы уйти на зиму в восточную Сибирь, спасти кадры армии и удержать ими на зиму фронт в дефиле, примерно, на линии Мариинска. В течении зимы провести решительные меры для водворения порядка в тылу, извлечь из него все боеспособные элементы, пополнить ряды армии, и весной 1920 года повести новое, решительное наступление на Волгу, для освобождения Москвы.

План этот был тем выполнимее, что массы населения России и Сибири, познавшие на себе всю жестокость и всю нежизненность большевицкого режима, оказывали нам свою полную поддержку. Для выполнения этого плана, в руках отечественных русских сил были три данных, три основы: живая сила армии, выдержавшая все испытания, её вождь, адмирал Колчак, вера в которого не поколебалась до конца, и Государственное русское золото, поезд которого, тридцать полных вагонов, сопровождал адмирала.

И все эти последние русские ценности были погублены предательством чешских легионов.

VI. Чешское предательство

(Ноябрь 1919 — Февраль 1920)

Как испуганное стадо животных, кинулись панически на восток чешские воинские части при первых серьёзных неудачах на нашем фронте, когда русские армии отступили за Омск. Разнузданные солдаты чешских легионов, доведённые пропагандой чешского национального комитета и потакательством их главнокомандующего Жанена — почти до степени большевиков, — силой и угрозами оружия отбирали паровозы от нечешских эшелонов.

Наиболее трудным участком железной дороги сделался узел станции Тайга; на магистраль здесь выходила Томская ветка, на которой была расположена самая худшая из трёх чешских дивизий — 2-ая. Ни один поезд не мог пройти восточнее станции Тайга. На восток от неё двигались бесконечной лентой исключительно одни чешские эшелоны, увозившие не только откормленных на сибирских хлебах, здоровых и сильных мужчин, дезертиров и военнопленных, но и награбленное ими на многие сотни миллионов долларов русское имущество. Число чешских эшелонов было, непомерно велико, — надо вспомнить, что на 50.000 чехов было ими захвачено свыше 20.000 вагонов.

Западнее станции Тайга образовалась железнодорожная пробка, которая с каждым днем увеличивалась. Из русских эшелонов, стоявших западнее Новониколаевка, раздавались мольбы, а затем понеслись вопли о помощи, о присылке паровозов. Помимо риска попасть в лапы красных, вставала угроза смерти в нетопленных вагонах от голода, Завывала свирепая сибирская пурга, усиливая и без того крепкий мороз. На маленьких разъездах и на перегонах между станциями стояли десятки эшелонов с ранеными и больными, с женщинами, детьми и стариками. И не могли их продвинуть вперёд, не было даже возможности подать им хотя бы продовольствие и топливо. Положение становилось поистине трагическим: тысячи страдальцев русских, обречённых на смерть, — а с другой стороны, десятки тысяч здоровых чехов, стремящихся ценою жизни русских спасти свою шкуру.

Командир чешского корпуса — Ян Сыровой — уехал в Красноярск, их главнокомандующий, глава французской миссии, генерал-лейтенант Жанен, сидел уже в Иркутске. Все мероприятия русского министра путей сообщения, инженера Устругова, — не взирая на его кипучую деятельность и полную самоотверженность на самых трудных местах — оставались безрезультатными. Одичавшая от страха чешская толпа дезертиров продолжала бесчинствовать. На телеграммы адмирала Колчака к Сыровому и Жанену с требованием прекратить гнусные безобразия чешского корпуса, — оба отвечали, что они бессильны остановить «стихийное» движение. Ян Сыровой вскоре принял недопустимо наглый тон, примешивая к своим отговоркам обвинения русского правительства в его «реакционности и недемократичности».

Вот, краткое описание со слов очевидца происходившей тогда трагедии на железной дороге к западу от станции Тайга.³⁴

«Длинной лентой между Омском и Новониколаевском вытянулись эшелоны с беженцами и санитарные поезда, направлявшиеся на восток. Однако, лишь несколько головных эшелонов успели пробиться до Забайкалья, все остальные безнадежно застряли в пути.

Много беззащитных стариков, женщин и детей были перебиты озверевшими красными, ещё больше замёрзло в нетопленных вагонах и умерло от истощения или стали жертвой сыпного тифа. Немногим удалось спастись из этого ада. С одной стороны надвигались большевики, с другой лежала бесконечная, холодная Сибирская тайга, в которой нельзя было разыскать ни крова, ни пищи.

Постепенно замирала жизнь; в этих эшелонах смерти. Затихали стоны умирающих, обрывался детский плач, и умолкало рыдание матерей.

Безмолвно стояли на рельсах красные вагоны — саркофаги, со своим страшным грузом, тихо перешёптывались могучими ветвями вековые сибирские ели, единственные свидетели этой драмы, а вьюги и бураны

³⁴ Статья «Чехословаки» в газете «Дело России». Токио, 1920, № 14.

напевали над безвременно погибшими свои надгробные песни и заметали их своим белым саваном.

Главными, если не единственными виновниками всего этого непередаваемого словами ужаса были чехи.

Вместо того, чтобы спокойно оставаться на своём посту и пропустить эшелоны с беженцами и санитарные поезда, чехи силою стали отбирать у них паровозы, согнали все целые паровозы на свои участки, и задерживали все, следовавшие на запад. Благодаря такому самоуправству чехов, весь западный участок железной дороги сразу же был поставлен в безвыходное положение.»

Русский народ проклял тогда чехов, совершавших это позорное каиново дело.

Верховный правитель, адмирал Колчак, пытался все время остановить безобразия легионеров. Их главарю Сыровому было заявлено, что, если чехи не перестанут своевольничать, то русское командование пойдет на самые крайние меры. Одновременно командующему войсками Забайкальского военного округа, генералу атаману Семенову был послан шифрованной телеграммой приказ — занять все тоннели на Кругобайкальской железной дороге: а в случае, если чехи не изменят своего образа действий, не прекратят своеволий, будут также панически нагло рваться на восток, — то приказывалось один из тоннелей взорвать. На такую крайнюю меру верховный правитель пошёл потому, что чаша русского терпения переполнилась: чешские полки начали пускать в дело оружие, отнимая все паровозы, не пропуская теперь ни одного поезда, кроме своих на восток — в своём стремлении удрать скорее к Тихому океану.

«Мотивы предательства чехами эшелонов с русскими беженцами, т. е. с ранеными, больными и семьями офицеров и добровольцев, будут понятны, если мы обратимся к цифрам,» — пишет³⁵ один из авторитетных очевидцев, генерал-лейтенант***. — «Цифры же говорят нам следующее: более 50 процентов имевшегося в руках чехов подвижного состава было занято под запасы и товары, правдами и неправдами приобретённые ими на Волге, Урале и в Сибири. Для эвакуации этих запасов были захвачены чехами все паровозы. Тысячи русских граждан, женщин и детей были обречены на гибель ради этого проклятого движимого имущества чехов. Не будет преувеличением сказать, что русской кровью пропитан каждый фунт кофе, каждый кусок хлеба и тюк товара, вывезенные из Сибири в Чехию».

Но этого мало. Чехам, для завершения их дьявольского плана было необходимо предать на уничтожение и русскую государственность, т. е. власть адмирала Колчака, признанную в то время всей национальной Россией; им надо было погубить и русскую армию. Для этого чешским национальным комитетом были организованы в тылу армии восстания.

35 «Чешские аргонавты в Сибири», Токио, 1921, стр. 19.

Первое восстание было поднято во Владивостоке (17 ноября 1919 года). Гайда, этот герой тёмных интриг, живший во Владивостоке в отдельном вагоне, под особым покровительством некоторых «союзных» миссий и чешских политиканов, — сформировал штаб, собрал банды чехов и русской голытьбы, главным образом, портовых рабочих, и поднял бунт, открытое вооружённое восстание. Сам Гайда появился в генеральской шинели, опять без погонь, призывая всех к оружию за новый лозунг: «Довольно гражданской войны. Хотим мира!»

Средство, испытанное Лениным и Троцким ещё осенью 1917 года, приведшее к развалу русской армии...

Но на другой же день около Гайды появились «товарищи», его оттёрли на второй план, как лишь нужную им на время куклу. Были выкинута лозунги: «Вся власть советам! Да здравствует российская социалистическая федеративная советская республика!»

На третий день бунт был усмирён учебной инструкторской ротой, прибывшей с Русского Острова; банды рассеяны, а Гайда, с некоторыми из его сотрудников, арестованы. Да и не представлялось трудным подавить это восстание, так как оно не встретило ни у кого поддержки. Народные массы Владивостока были поголовно против бунтовщиков.

Адмирал Колчак послал телеграмму-приказ: судить всех изменников, и в том числе Гайду, военно-полевым судом, причём, в случае присуждения кого-либо из них к каторжным работам, верховный правитель, на основании его права, в той же телеграмме повышал это наказание — до расстрела.

«Чехи, для выручки своего агента,» — пишет генерал-лейтенант***, — «прибегли к излюбленному шантажному приёму — запугиванию союзников и Розанова возможным вооружённым выступлением чешских солдат на выручку Гайды». ³⁶

И, к сожалению, командовавший тогда Приморским военным округом, генерал Розанов, проявил излишнюю непонятную мягкость, приказа не выполнил, а донёс по телеграфу, что должен был, вследствие требования союзных миссий, передать Гайду и его начальника штаба, чеха Гусарека чехам, на поруку их генерала Чечека.

Когда владивостокские газеты отозвались о Гайде по его заслугам, как о трусе и авантюристе самой низкой марки; о том, что он оставил свою родину австрийским фельдшером с несколькими кронами в кармане, а возвращается теперь туда чешским генералом и очень богатым человеком; что, видимо, чехи имеют понятие о доблести и чести совсем иное, чем все прочие люди, — то дипломатический представитель Чехословакии выступил с требованием прекратить нападки на Гайду, — ввиду его «прежних заслуг перед Россией...»

³⁶ «Чешские аргонавты в Сибири», Токио, 1921, стр. 17.

На это в русских газетах был дан ответ, что заслуг за Гайдой перед Россией не числится. Но, если бы даже такие заслуги и были в прошлом, — ...то не следует забывать, что до своего предательства и Иуда Искариот был апостолом Спасителя...

Чтобы покончить с этим печальным и гнусным эпизодом, остается упомянуть, что руководителем всего заговора был Гирса. Чешский штаб снабжал заговорщиков оружием и снаряжением. Для своей пропаганды и на расходы по восстанию Гайда сумел мошенническим путём, при помощи подложного ордера, получить из русской кредитной канцелярии 300.000 иен³⁷. Доктор Гирса, состоявший официальным представителем новорождённой Чехословацкой республики при Омском правительстве, послал после падения Омска Гайде во Владивосток телеграмму следующего содержания: «Начинайте, все готово.»

Все относится к тому, что Бенеш в своей книге (см. стр. 09), отмечает, как особые заслуги чехов в Сибири, на которых всего лучше обнаружился «гений их, чешской, расы.»

Почти одновременно с восстанием во Владивостоке, появился так называемый меморандум чехов, за подписями доктора Гирса и Б. Павлу, — обращённый ко всем «союзным правительствам». Более наглого вмешательства в чисто русские внутренние дела нельзя себе представить. Чехи, т. е. те, кто проявил себя как воры, трусы и дезертиры, говорили в этом меморандуме языком законности и высшего права, они надели маску гуманности — и требовали или вывоза их на родину или «предоставления им свободы воспрепятствования несправедливости и преступлению, с какой бы стороны они не исходили»...

В начале меморандума, эти обогатившиеся русским добром и золотом политические шулера обращаются к «союзным державам с просьбой о совете, каким образом чехословацкая армия могла бы обеспечить собственную безопасность и свободное возвращение на родину, вопрос о чем разрешён с согласия всех союзных держав...»

Далее говорится о произволе русских военных органов, об «обычном явлении расстрелов без суда представителей демократии по простому подозрению в политической неблагонадёжности», «об ответственности за все это перед судом народов всего мира, почему мы, имея вооружённую силу, не воспротивились этому незаконно...»

Это точные цитаты из документа. И все в них — от начала и до конца — ложь, даже касательно расстрелов так называемой русской демократии, т. е. полу-большевиков и им сочувствующих.

К сожалению, это было не так, — ибо, если бы, действительно, это

37 «Чешские аргонавты в Сибири», Токио, 1921, стр. 15.

широко применялось, то был бы жив до сих пор наш вождь, адмирал Колчак, существовала бы его армия и сумела бы она освободить многострадальную Россию от кровавых натисков интернационала. И тогда чехи, действительно, стояли бы перед судом народов мира, но за воровство, за предательство, за насилия и убийства безоружных.

Во всем меморандуме, правда, лишь в его начале, — а именно, в просьбе совета, каким образом чешским эшелонам выбраться из Сибири на родину и вывезти все захваченные богатства. Цель же меморандума была одна — оправдать заранее участие чешских войск в мятежных и изменнических восстаниях.

И цепь этих гнусных предательств чехов продолжалась. Генерал-лейтенант*** пишет об этом так:³⁸

«Чехи лгут, ссылаясь на стихийность всего происшедшего. Хаос на Сибирской железной дороге был создан самими же чехами, притом совершенно преднамеренно, по заранее разработанному плану.

Как ни тяжело сложилась обстановка на железной дороге, но значительную часть погибших эшелонов спасти все же было возможно.

Начать с того, что по местным условиям, большевики не могли наступать быстро, тем более, что уцелевшие части Сибирской армии далеко не потеряли своего высокого воинского духа.

Войска, совершившие в 40-градусный мороз легендарный поход через всю Сибирь и дошедшие до Забайкалья, не будь у них в тылу анархии, созданной чехами, конечно, смогли бы оказать наступлению красных более или менее упорное сопротивление. Независимо от сего, в Новониколаевске находилась вполне боеспособная и дисциплинированная польская дивизия. Большевицкие отряды вдоль линии железной дороги были сравнительно немногочисленны. Здоровые, сытые чехи, имевшие броневые поезда, без особого труда могли обеспечить железную дорогу от их нападений. Что касается до восстаний в Красноярске и Иркутске, то последние были организованы при ближайшем содействии самих чехов.»

Чтобы обеспечить свой выезд из Сибири со всем награбленным имуществом, золотом и деньгами, чехам было необходимо свалить правительство адмирала Колчака и помочь большевикам уничтожить русскую армию.

К великому несчастью адмирал Колчак тогда продолжал все ещё относиться с доверием к военному представителю Франции, генералу Жанену. Он дал себя уговорить и, вопреки настойчивому предупреждению своих ближайших помощников, отделился от армии, поехал вперёд с пятью поездами, один из которых был полон золотого российского государственного запаса.

38 «Чешские аргонавты в Сибири», Токио, 1921, стр. 19.

Адмирал сделал величайшую ошибку, за которую заплатил жизнью своей, а мы разгромом наших сил.

Чехи пропустили поезда адмирала на восток, но уже за Красноярском были допущены только два поезда. И сейчас же вслед за тем в этом городе было поднято восстание с тем же лозунгом, что и во Владивостоке: «Довольно гражданской войны!..» Этим восстанием адмирал был отрезан от армии.

Когда поезда адмирала Колчака подошли к станции Нижнеудинск, то они оказались окружёнными чешскими ротами с пулемётами. Это произошло 18 декабря 1919 года. Небольшой конвой адмирала приготовился к бою. Но верховный правитель России запретил предпринимать что-либо до окончания переговоров. Он хотел лично говорить с Жаненом.

Напрасно штаб адмирала добивался этого «высокого представителя союзной страны», делая попытки пригласить его к прямому проводу. Жанену было некогда. Он не мог выбрать времени, чтобы переговорить с верховным правителем России! Жанен стремился скорее выехать из Иркутска на восток.

В Иркутске самом, после выступления чехов против Колчака, власть, с их же опять-таки помощью, была захвачена полу-большевиками, под названием «Политический центр». Верные правительству войска после двухдневных боев на улицах города были принуждены отступить на восток, в виду явно угрожаемого положения занятого легионерами. Чехи предательски напали на отряд генерала Скипетрова, высланный из Читы атаманом Семеновым на помощь Иркутску. Чехи, окружив этот отряд, обезоружили его; причём в награду себе за это новое предательство, они присвоили денежный ящик отряда

Жанен прислал адмиралу Колчаку телеграмму, в которой, среди обычных учтивостей, он просил адмирала — для его же благополучия — подчиниться неизбежному и отдаться под охрану чехов. Иначе он, генерал Жанен, снимает с себя всякую ответственность. Как веский аргумент, для убеждения адмирала и его приближенных, в телеграмме Жанена было высказано, что адмирал Колчак будет охраняться чехами под гарантией пяти великих держав. В знак чего на окна вагона, — единственного, который чехи ему и свите предоставили, — были по приказу Жанена навешаны пять флагов: великобританский, японский, американский, чешский и французский.

Конвой верховного правителя был распущен. Охрану несли чехи. Но, понятно, это была не почётная охрана вождя, а унижительный караул пленника.

Один из современников и участников большой сибирской драмы, который может стоять вне подозрений в реакционности и антидемократичности, так рассказывает об этом предательстве:³⁹

«Восстание в Иркутске началось, когда Жанен и чехи решили избавиться от адмирала Колчака и заменить его эсеровской властью. Цель их была — дать

39 А. Гутман-Ган. «Белое дело», т. III, стр. 173-179.

чехам возможность бесконтрольно вывезти из России их имущество и ценности. ещё раз, накануне своего ареста в Нижнеудинске, адмирал Колчак послал во Владивосток телеграфный приказ о проверке огромного имущества, товаров и ценностей, вывозимых чехами на родину. Никаких переговоров Жанен о пропуске вагона адмирала Колчака не вел, да и надобности не имел, так как вся магистраль восточнее Иркутска была в его руках.»

Поезд с вагоном адмирала Колчака и золотой запас медленно подвигались на восток. На станции Черемхово, где находятся большие каменноугольные копи, была сделана первая попытка со стороны большевиков овладеть этими обеими ценностями. Большевики рабочие, уже вооружённые к тому времени с помощью чехов, захватили власть в Черемхово и потребовали выдачи им адмирала Колчака и золота. Чешскому коменданту было предписано свыше уладить этот инцидент и пойти на компромисс допустив к участию в охране также и отряд рабочей красной гвардии.

Когда подъезжали к Иркутску, тот же чех-комендант поезда предупредил некоторых офицеров из свиты адмирала, чтобы они уходили, так как дело безнадежно. На вопрос, какая же именно грозит опасность, ответа не было дано. А когда адмирал потребовал этого ответа, то чешский комендант попросту уклонился и доложил, что ему ничего неизвестно, что генерал Сыровой ведет переговоры по прямому проводу с Жаненом, находящимся на станции Байкал.

В полной неизвестности прошла ночь. Утром вагон с адмиралом был подан на станцию Иркутск и поставлен на запасном пути на задний тупик. По словам сопровождавших адмирала лиц — чувствовалось, что нависло что-то страшное, молчаливое и тяжёлое, как самое гнусное преступление. Верховный правитель, увидав на путях станции Иркутск японский эшелон, послал туда с запиской своего адъютанта, старшего лейтенанта Трубчанинова; но чехи задержали его, вернули в вагон и не дали возможности исполнить поручение. Японцы не предприняли ничего, так как они верили заявлению генерала Жанена, что охрана чехов надёжная и, что адмирал Колчак будет в безопасности вывезен на восток. Это заявление мне лично было сделано спустя несколько месяцев со стороны японских официальных лиц.

Чины свиты адмирала Колчака так передают дальнейший ход событий:

Около 4 часов дня чешский офицер явился к адмиралу и заявили, что решено выдать его революционному правительству Иркутска.

— «Почему?!» — спросил адмирал Колчак, и его пылающие глаза смотрели прямо на чеха. Тот опустить свой взор и забежал им по сторонам.

— «Революционные власти Иркутска ставят выдачу Вас условием пропуска всех чешских эшелонов за Иркутск. Я получил приказ о Вашей выдаче от нашего генерала Сырового...»

— «Но как же, мне генерал Жанен гарантировал безопасность?... А эти

флаги?!» — показал адмирал Колчак на молча и убого висевшие флаги — великобританский, японский, американский, чешский и французский...

Чех молчал, потупясь в землю, не смея поднять глаз.

— «Значит, союзники меня предали!» — вырвалось у адмирала.

Через некоторое время в вагон вошли представители этой новой революционной власти, полубольшевики, в сопровождении конвоя от своей красной гвардии. Чехи передали им верховного правителя России. В сопровождении нескольких адъютантов адмирала Колчака, повели пешком в городскую тюрьму города Иркутска. Туда же отправили и его премьер-министра Пепеляева.

«Революционная власть города Иркутска торжественно заявила, что она назначает чрезвычайную комиссию для расследования преступлений адмирала Колчака и его премьер-министра Пепеляева, виновных в преследовании демократии и в потоках пролитой крови.»

А. Гутман-Ган определяет, что «голова адмирала Колчака была залог в руках чехов.» Искусная инсценировка «народных восстаний с помощью эсеров (полубольшевиков) была проведена чехами, чтобы генерал Жанен мог представить верховным союзным комиссарам бесспорные факты народной воли, требующей свержения белой диктатуры». Гутман-Ган устанавливает, что Жанен и чехи были связаны между собой общностью интересов и солидарностью действий.

Со стороны большевиков, — которых никто не может заподозрить в единомыслии с нами, белыми, — есть также свидетельства низости, и подлого предательства чехов. Председатель Иркутского революционного комитета Ширямов, пишет: «Голова адмирала Колчака должна была служить выкупом за свободный уход чехов на восток.»

Другой, ещё более видный большевик, председатель Сибирского революционного комитета Смирнов, в его книге «Борьба за Урал и Сибирь», приводит договор, заключённый между ним и чешским командованием на станции Куйтун в 9 часов утра, 7 февраля 1920 года, Пункт 5-й этого договора гласил:

«Чешские войска оставляют адмирала Колчака и его сторонников, арестованных иркутским революционным комитетом, в распоряжение советской власти, под охраной советских войск и не вмешиваются в распоряжения советской власти по отношению к арестованным.»

В тот же день Смирнов послал в Иркутск телеграмму с приказом расстрелять адмирала Колчака. Большевик Смирнов говорить об этом так⁴⁰:

«Нас отделяло от наших товарищей в Иркутске пятисотверстное

40 Смирнов «Борьба за Урал и Сибирь», стр. 311.

расстояние. Каким же образом нам удалось сноситься с осаждёнными в Иркутске товарищами? И даже по такому щекотливому вопросу, как судьба верховного правителя? К немалому нашему удивлению чешское командование, давая нашей делегации провод для сообщения в Иркутск о ходе мирных переговоров, не чинило препятствий к передаче вышеуказанной телеграммы Иркутскому революционному комитету о расстреле адмирала Колчака».

Доктор Гирса и Богдан Павлу взывали к суду «народов всего мира, готовясь к этому кровавому и подлому преступлению, замыслив уже его.

Характерно, что новая власть в Иркутске, которой чехи предали адмирала Колчака и русский золотой запас, образовала так называемый «политический центр» — из харьковского шибера Фельдмана, Косминского и поручика-дезертира. Первое распоряжение этой новой опереточной всероссийской власти, опиравшейся на чешские штыки, был приказ их министра финансов Патушинского, переданный по телеграфу управляющему Владивостокской таможней Ковалевскому: «Беспрепятственно и без всякого досмотра пропустить к погрузке на пароходы все, что пожелают вывезти чехи, в виду их заслуг перед Россией.»

Ведь все это факты документальные! А создатели чехословацкой республики и новой чехословацкой нации, при жизни вознесшие друг друга в «великие», Масарык и Бенеш, не только умалчивают о них, но ложью вводят общественность в обман.

Впоследствии, уже дойдя до Владивостока и приготавливаясь к выезду из Сибири, чешские политики выпустили обращение к населению Сибири. В нем они заявляют, что взяв адмирала Колчака под свою охрану, чехи предали его «народному суду не только как реакционера, но и как врага чехов, так как адмирал приказали атаману Семенову не останавливаться перед взрывом тоннелей, для того, чтобы задержать чешское отступление на восток».

Не отступление, а позорнейшее бегство с наворованным имуществом! И не адмирал Колчак, а с его согласия я, бывший в те дни главнокомандующий войсками восточного фронта, отдал распоряжение атаману Семенову не останавливаться перед взрывом тоннелей на Кругобайкальской железной дороге.

Каждая чёрточка всех этих действий чехов, их попыток обелить себя путем нот и обращений — перлы не только самой беззастенчивой подлости, но и наивности, граничащей с глупостью. Это А. В. Колчак-то реакционер! Да если отчего он и погиб, отчего рухнуло и возглавляемое им русское отечественное дело, — так это, главным образом, оттого, что он делал слишком много уступок, терпел крен налево и всю низость «чешской демократии», допускал на русской территории самовольство чешского командования, не пресек суровыми мерами, — вплоть до военно-полевых судов, — распущенности чешского войска, распущенности, перешедшей, как было

показано в настоящей главе, в преступления.

За все это адмирал Колчак заплатил своей кровью, которая не столько на большевиках, сколько на руках чешских политиков и дипломатов.

Предатель-чех не ограничился этим, он вонзил нож в спину русского воина, которого он раньше осмеливался лицемерно называть святым словом «брат».

Чешские политики, оперировавшие своей пятидесятитысячной распушенной солдатней, взорвали тыл Сибири рядом восстаний, лишив белую армию её базы и коммуникации. Это было проделано как раз в то время, когда армия напрягала все силы, чтобы задержать вторжение большевиков в Сибирь.

Когда в армии стало известно об этом, когда докатились слухи, что в ряде городов чернь, под руководством и при участии чехов, захватила власть, когда железная дорога перестала питать войска на фронте, когда, наконец, стало известно, что сам верховный правитель России и русский золотой запас захвачены чехами и отвезены в Иркутск, — то было решено оторваться от наступавших большевиков и быстрыми переходами направить армию на восток, к Иркутску. Была поставлена цель — как можно скорее достичь этого пункта, выбить из него бунтовщиков, освободить адмирала Колчака, золото и богатые иркутские склады, соединиться с Забайкальем и затем западнее Иркутска, образовать новый фронт против большевицкой красной армии.

Это была не простая задача, а один из труднейших маневров военного искусства. Обстановка создалась чрезвычайно трудная. С запада преследовали нас части регулярной красной армии. С востока выдвинулись на главнейшие рубежи полубольшевицкие банды, чтобы перехватить наше движение на Иркутск.

Эти банды были отлично и богато снабжены и вооружены из иркутских складов. Железная дорога была захвачена чехами и для армии не действовала. Стояла зима с крепкими сибирскими морозами, а в добавок ко всему наша армия не имела достаточного количества ни тёплой одежды, ни боевых припасов.

Тем не менее, армия пробила себе путь на восток, имея ряд боев с большевиками, пережив много критических дней понеся большие потери. Подробно об этом писать здесь нет места⁴¹. 7-го февраля 1920 года авангард моей армии занял с налёта станцию Инокентьевскую, лежащую в несколько километрах от Иркутска. Это было сделано до того неожиданно, что мы захватили там большевицкую артиллерию не сделавшую ни одного выстрела, а большевицкие обозы принимали наши части за свои. Всю ночь проработали над планом и подготовкой взятия Иркутска.

41 Подробный отчёт дан в книге: генерал-лейтенант К. В. Сахаров, «Белая Сибирь», 1923.

Подтягивались главные силы. На следующий день подошла и 2-я наша армия. И в то же время, грянуло как гром среди ясного неба, ужасное известие, что 7-го же февраля во дворе иркутской тюрьмы был большевицкими комиссарами расстрелян верховный правитель России, адмирал А. В. Колчак. Почти одновременно с этим известием был доставлен документ за подписью начальника 2-й чешской дивизии, занимавшей в то время Иркутск, полковника Крейчий, в нем заключался наглый ультиматум, предъявленный остаткам белых армий: в случае боя против иркутского предместья Глазово, чехи угрожали выступить вооружено против нас на стороне большевиков.

Был собран военный совет старейших начальников. На нем выяснилась печальная картина, что у наших войск, прошедших с боями через Сибирь, оставалось в среднем по 10—15 патронов на стрелка и почти не было совершенно артиллерийских снарядов. Большинство начальников высказалось за решение обойти Иркутск с юга и, перейдя по льду Байкальское озеро, направиться в Читу на соединение с силами атамана Семенова.

После этого случая ненависть, которую легионеры сумели возбудить к себе, возросла до крайних пределов. Чехи воочию доказали, что они, поднявшие когда-то восстание против большевиков, идут теперь вместе с ними против русских, против России.

Остатки многострадальной русской армии, проделавшей ледяной поход, принесшей все возможные жертвы для спасения отечества, — шли теперь и дальше по снегам Сибири пешком и в санях; а рядом русскую железную дорогу заняли вооруженные до зубов наши же военнопленные, бывшие дезертиры, трусы и воры — с гордым именем «чешские легионеры». ещё раз русский народ проклял их. Имя чех — стало в Сибири ругательством!

Чехи не только везли в своих поездах награбленное многомиллионное имущество, но также оружие и патроны для большевицких банд, которые с их помощью большевики организовывали теперь и в Забайкалье. Чехи перевозили регулярно большевицкую почту из России в Харбин и Владивосток. В их же поездах находили себе убежище большевицкие агенты и комиссары, те, которые впоследствии захватили власть в Забайкалье и Приамурье.

Закончу эту главу описанием случая, свидетелем и участником которого пришлось мне быть. После стычек с большевицкими бандами, уже перейдя через Байкальское озеро, части моей армии заняли большой рабочий посёлок Петровский Завод. На базаре чешские офицеры и солдаты проходившего эшелона продавали русские предметы обмундирования и солдатскую обувь. А как раз перед тем мною был отдан приказ, запрещающий это делать нашим солдатам под угрозой предания военно-полевому суду. Наш патруль, высланный от егерей на базар, отобрал от чехов казённые вещи. Те начали ругаться и грозить силой. Тогда наши егеря выгнали чехов с базара плетьюми.

Через несколько часов разведка доставила сведения, что в эту ночь чехи

собираются выступить против нас с целью обезоружить мои части, как это им удалось сделать с отрядом генерала Скипетрова.

Были приняты меры, чтобы обезопасить себя. Выставили усиленное сторожевое охранение, сильные заставы, на станцию железной дороги были направлены патрули. Старшему чешскому начальнику было послано от моего штаба требование, чтобы впредь ни один чех не смел, входить в посёлок. В каждой воинской части было приказано иметь всю ночь дежурные роты и сотни в полной готовности.

Когда ночью я проверял свои части, то нашёл, что все люди поголовно не спали. Все ждали, сжимая винтовки в руках, выступления чехов. Настроение наших было самое бодрое, приподнятое, и даже радостное.

— «Эх, хорошо бы, если бы чехи выступили! Надо им намять бока. Довольно поизмывались они над Россией.» — Так говорили наши офицеры, солдаты и казаки.

Чехи пробовали своими дозорами пробраться в Петровский Завод. Но отогнанные нашими заставами, отошли назад и выступить, к сожалению, не решились.

Настроение, подобное описанному, было не только у войск. Все русские в те годы сжимали в руках винтовки на предателя-чеха. И только то, что страны-союзницы взяли их под своё покровительство, остановило расправу в то время. Но она придёт...

Оценка и характеристика действий чешских легионов в Сибири была бы не полна, если бы не упомянуть, как эти вооружённые банды военнопленных и дезертиров вели себя по отношению к другим военнопленным, к немцам и венграм, как они расправлялись с ними на русской территории. Понятно, всестороннее освещение этих тёмных дел чехов должно составить предмет специального расследования. Соответствующие немецкие и венгерские учреждения заняты сбором материалов и, надо думать, не замедлят с его обработкой и опубликованием.

Ряд писем, воспоминаний, фотографий и документальных описаний отдельных случаев имею под рукой и я, получив все это уже здесь, за границей от немцев, австрийцев и венгров, бывших в те годы нашей отечественной борьбы в Сибири. На основании этих документов, после проверки их, я считаю необходимым дополнить характеристику действий чехов в Сибири ещё установлением, что они на нашей русской земле творили неслыханные, возмутительные, зверские жестокости и насилия над беззащитными своими бывшими товарищами.

Это, действительно, заслуживает того, чтобы быть поставленными перед судом всех цивилизованных и культурных народов... как то в своё время в

ноябре 1919 года вzywали лицемеры и лжецы, руководители чешских орд.

Естественно, что мне самому не приходилось в Сибири сталкиваться с этими уродливыми жестокостям чешских легионеров, так как в наших районах, где были русские власти, там чехи не смели их проявлять из боязни ответственности и наказания; в наших районах военнопленные были под охраной закона. Но в самом начале борьбы, когда русская власть ещё не была организована, или позже, на охране железной дороги, если чехи случайно становились хозяевами положения, то они были зверски жестоки по отношению к пленным немцам и венграм.

Я ограничусь приведением лишь нескольких выдержек из имеющегося у меня материала, полагая это достаточным по объёму и содержанию книги. И в уверенности, что за нею последует обширное и подробное изложение всех случаев.

РАССТРЕЛ МУЗЫКАНТОВ СУДЕТСКО-НЕМЕЦКОЙ КАПЕЛЛЫ В ХАБАРОВСКЕ

(Документ подписан очевидцем, Августом Шульце, попавшим в плен 26 августа 1914 г., после затопления малого германского крейсера «Магдебург». -Штигхорст при Билефельде, № 152).

В начале октября 1918 г. казаки выгнали из Хабаровска большевиков и захватили город. Начались аресты и расстрелы всех подозрительных в большевизме. Вместе с казаками вошли в город и чешские легионеры. Среди них особой жестокостью отличался Елинек, занимавший командный пост.

Однажды на главной улице слышались громкие крики и шум толпы. Август Шульце, поспешивший туда, увидел, как чехи гнали по улице музыкантов судетско-немецкой капеллы Паризека, игравшей обычно в кафе «Чашка чая». Чехи избивали их нагайками, особенно свирепствовал Елинек, грозя музыкантам расстрелом.

Попытки русских обывателей Хабаровска, мужчин и женщин заступиться за избиваемых, указать Елинеку на его ошибку, - что все это были безобидные музыканты, которые играли для русского Красного Креста, - успеха не имели. Похвалы же подливали только масла в огонь. И русские получали в ответ от зазнавшегося чеха: «Смотрите, и вам всыплю нагаек. А если не успокоитесь, и вас расстреляю!»

Русские обыватели и с ними вместе Август Шульце провожали процессию на берег Амура. Там несчастные музыканты, едва державшиеся на ногах, были поставлены к цоколю памятника, и Елинек обратился к ним с вопросом: «Согласны ли вы стать чехами?» Музыканты ответили на предложение, решительным отказом. Тогда Елинек отдал приказ стрелять. После нескольких залпов, немецкие военнопленные лежали на земле в крови. Кто ещё шевелился, были приколоты штыками. Трупы этих зверски убитых

людей были брошены чехами в реку. Август Шульце заканчивает свой рассказ тем, что видал он много случаев, когда военнопленные различных лагерей, а также и русские люди были убиты чехами. «Военнопленные, выводимые чехами из лагеря, должны были сами для себя копать могилу. Когда яма была достаточной глубины, копавшие застреливались чехами во время работы. О подобных жестокостях чехов можно было бы исписать тома.»

«В местностях, занятых чехами, от них высылались специальные патрули, для осмотра и для обыска деревень. Если в них находили военнопленных венгров, которые жили часто целые годы рабочими у крестьян, сжились с ними, деля мирный крестьянский труд, — чехи забирали таких военнопленных, стогнали их в одну кучу и избивали. Заступничество и просьбы русского крестьянского населения не помогали. Иногда достаточно было, чтобы человек говорил по-венгерски, чтобы он подвергся аресту чешского патруля и почти всегда следующему за тем к расстрелу! Каждый из вернувшихся на родину военнопленных венгров передавал рассказы о зверствах чехов.»

РАССТРЕЛ ВЕНГЕРСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ОФИЦЕРОВ

«20-го июля 1919 года в Красноярске, который в то время был глубоким тылом нашей белой армии, возник в одном из запасных полков бунт, под влиянием большевицкой пропаганды. Для усмирения взбунтовавшихся были направлены небольшие белые части, бывшие в том районе. Весь день продолжалась стрельба, и бунт был подавлен. Русские власти сделали с самого начала заявление в лагере военнопленных, что их никто не тронет, если они будут сидеть тихо и спокойно.

Но вечером вступил в лагерь 12-й чешский легион и арестовал всех членов «венгерского объединения», организации, существовавшей с разрешения русских властей. Ночью 17 венгерских офицеров были выведены чехами в поле, поставлены около большой ямы и расстреляны в спину. Остальные военнопленные были спасены благодаря энергичному вмешательству шведского Красного Креста и его ходатайству перед адмиралом Колчаком».

VII. Возвращение на родину.

Итак, длинную цепью предательств и преступлений чешские политики подготовили свой отъезд из Сибири на родину, в Чехословакию, это новорождённое дитя Версаля. И возвращение не просто как-нибудь, а с полными кошельками, набитыми полновесным русским золотом или цепной иностранной валютой. Бедные, голодные и худые военнопленные превратились в раскормленных «героев», отягощённых имуществом самого разного вида и рода. В далёкой, богатой Божьими дарами и патриархальной Сибири развернулась эта сказка наших дней.

После предательства русской государственности, армии и адмирала

Колчака — первые чешские эшелоны вышли в полосу отчуждения Восточно-Китайской жел. дороги и добрались до Харбина. Вот как отмечает это прибытие очевидец:⁴²

«Интересную картину представлял Харбин в дни: прохода чешских эшелонов. Прежде всего, прибытие чехов отмечалось резким падением рубля. Китайские менялы сразу учитывали, что на рынок будет выброшено много рублей, и играли на этом. Меняльные лавки были полны чехами, менявшими русское золото и кредитки на иены и доллары. На барахолке шла бойкая распродажа движимого имущества, начиная от граммофонов и швейных машин и кончая золотыми брошками и браслетами.

На станции железной дороги распродавались рысистые лошади и всякого рода экипажи».

Передав в руки Иркутского революционного комитета верховного правителя России, адмирала Колпака, сдав политическому центру российский золотой запас, чехи перед отъездом из Иркутска захватили наличную кассу казначейства и клише экспедиции заготовления государственных бумаг — для печатания денежных знаков. Купюры эти они начали усиленно печатать в пути и во Владивостоке, преимущественно билеты тысячерублёвого достоинства.⁴³

Генерал-лейтенант*** отмечает это так в своей брошюре:⁴⁴

«Чехословацкие отряды, как документально установлено, конфисковали в иркутском казначействе значительную партию бумажных денежных знаков, на довольно значительную сумму, которую точно определит очень трудно. Деньги были упакованы в мешках и в специальном багажном вагоне отправлены на восток. Вес этих мешков, наполненных деньгами, определяют в несколько десятков пудов. Реквизированы, главным образом, вновь выпущенные 200-рублёвые выигрышные займы и 5.000 руб. казначейские обязательства. Большое количество этих знаков попало на харбинский денежный рынок, где появление их вызвало панику на местной бирже.

Кроме того, в разоружённом около Иркутска бронированном поезде Генерала Скипетрова конфисковано было чехами 8 миллионов рублей, которые ими забраны под видом «военной добычи».

Охрана золотого запаса чехами была установлена, — после ареста верховного русского правителя, — своя. По прибытия золота в Иркутск, оказалось, что один вагон наполненный ящиками, содержащими золотые монеты 5-рублёвого достоинства, всего тысячу пудов, и находившийся под охраной чешских солдат, совершенно расхищен.

Номинальная стоимость украденного золота составляет свыше двадцати

42 Статья «Чехословаки» в газете «Дело России». Токио, 1920, № 14.

43 Статья «Чехи и с-ры», «Дело России», Токио, 1920, № 10.

44 «Чешские аргонавты в Сибири», Токио, 1921, стр. 12.

пяти миллионов золотых рублей. Кроме того, чехи, доставив остальное золото в Иркутск, сдали его «под расписку» политическому центру, т.е. трём проходимцам, ими же поставленным к власти; политический центр принял золотой российский запас от чехов не считая.

Во всяком случае, падение цен на золото и на золотые монеты, отмеченное в те месяцы в «голосе отчуждения Восточно-Китайской жел. дороги, объясняется именно тем обстоятельством, что на рынке появились в огромных партиях золотые монеты, которые "спешно разменивались чехами проходивших эшелонов на американскую и японскую валюту. Китайцы-менялы, которыми кишат специальные кварталы всех китайских городов, были сначала ошеломлены этим наплывом золота и даже сначала приняли его за фальшивые монеты. После пробы, убедившись, что это полноценное золото, они бросились скупать его по пониженным ценам.

Особенно богаты были передние чешские эшелоны, где ехало высшее чешское командование и все эти политические руководители, ближайшие сотрудники и по сегодня господ Масарыка и Бекеша. У них-то наиболее пышно расцвел, найденный: последним, «гений чешской расы».

Задние эшелоны растянулись, естественно, далеко на запад, ибо продвижение всех 20.000 вагонов требовало времени. А в это время всё пространство на запад от Иркутска бродило уже большевизмом. Трусливое чешское стадо не подумало о единственной честной возможности — соединиться с белой русской армией и дать большевикам отпор. Руководители чехов во главе с Яном Суровым, остались верны себе до конца. Они пошли с комиссарами на мировую сделку и заключили упомянутое выше условие на станции Куйтун.

Этот позорный документ был вывешен большевиками на всех больших станциях железной дороги. В нём, кроме пункта 5-го о выдаче большевикам адмирала Колчака, были ещё обязательства чехов разоружать белые отряды, выдавать белых офицеров и добровольцев, устанавливалось расстояние между последним чешским эшелоном и регулярной красной армией в один перегон, обязательство чехов по проходе не портить железнодорожные мосты и инвентарь станций.

А кроме того — чехи обязались помочь большевикам путём снабжения местных красноармейских банд оружием и боевыми припасами. Чехи возили в своих поездах большевицких агентов; было тогда же установлено, что они провезли, например, видного коммуниста Виленского, руководителя борьбою против атамана Семенова и будущего комиссара всего Забайкалья.

Бесконечно тяжело было положение многих русских офицеров, добровольцев и их семей, которые почему-либо отбились от вашей армии, двигавшейся усиленными маршами на выручку адмирала Колчака к Иркутску. Эти люди, по большей части больные или старые, а также женщины и дети,

должны были ехать в санях одиночным порядком. Так как «русских» поездов не было, вся железная дорога была захвачена чехами и набита их эшелонами, — то, естественно, что многие обращались с просьбой о месте в вагоне к чешским офицерам, рассчитывая на их самое примитивное благородство.

Чехи имели в своих поездах мест, более чем достаточно; не надо забывать, что на 50.000 чехов было 20.000 вагонов. Им не стоило ничего принять в свои эшелоны несколько тысяч отбившихся от армии русских.

Но всего чаще на эти просьбы следовал грубый и циничный отказ. Иногда чехи принимали в свои поезда таких пассажиров, но затем на одной из ближайших станций выдавали их большевикам — для расстрела.

За разрешение проехать в потопленном конском вагоне, чехи брали от пяти до пятнадцати тысяч рублей. От женщин они требовали золотые вещи, то, что ещё осталось последнее у несчастных при себе. Но и плата не обеспечивала жизни и доставления в Забайкалье, где была в то время безопасная от большевиков зона.

Генерал-лейтенант*** приводит случай, имевший место около станции Оловянная.⁴⁵ Там из проходящего чешского эшелона было сброшено с моста в реку Онон три мешка. В этих мешках оказались трупы русских женщин, принятых чехами в свой эшелон, а потом, после надругательств, убитых чешскими солдатами. Нет возможности установить хотя бы приблизительно синодик замученных, погубленных и преданных чехами в Сибири, за этот период их движения к океану для отправки на родину.

На станцию Яблоневою, в Манчжурии, явились однажды в период эвакуации чехов хунхузы, с требованием, чтобы находящаяся там крупная лесная концессия внесла им немедленно 300 иен. На протест управляющего концессией против такого сверхобычного побора, предводитель хунхузов вежливо объяснил, что из проходящего мимо эшелона чехи продали хунхузам два пулемёта с лентами и требуют немедленной уплаты.

Управляющему концессией, — так сообщает газета «Дело России», 1920 г., № 13, — осталось подчиниться. Деньги были даны, и пулемёты получили от чехов хунхузы.

Дойдя до Владивостока, чехи стали постепенно, по мере предоставления им «союзниками» транспорта, грузиться на суда, стаскивая сюда же и награбленное имущество. Н и к т о не мог защитить интересы нашего народа и страны, так как всё русское национальное было тогда уничтожено или принуждено было скрываться, остатки белой русской армии совершали свой тяжёлый поход через Сибирь, а затем отстаивали Забайкалье; временно у власти оказались полубольшевики. Эти люди были слеплены из одного теста с чешскими политиками, и они помогали чехам дополнить их запасы, не забывая и себя.

45 «Чешские аргонавты в Сибири», Токио, 1921, стр. 21.

«Они расхищают частное имущество, частные грузы, частью отдают их чехам по баснословно дешёвой цене, частью грузят при содействии чехов на иностранные пароходы, будто в советскую Россию». — Так писали в те дни газеты Д. Востока.

Потому-то не было возможности не только защитить от вороватых чешских рук русское имущество, но даже собрать все документы о том, зарегистрировать всё. Только частью удалось тогда выполнить эту задачу некоторым русским людям, по своей частной инициативе.

На этом ведь и был построен весь расчёт чешской банды, — они надеялись, что всё им сойдет с рук безнаказанно. Для того они и предали на убийство главного свидетеля — адмирала Колчака.

Ниже два таких документа, помещённые в газете «Дело России», 1920 г., № 10:

«Верховному контролю чеховойск. — Товарищества российско-американской резиновой мануфактуры «Треугольник», г. Владивосток.

В 1918 году, апреля 26-го дня, было отправлено из Петрограда, за пломбами товарного двора, тридцать два вагона груза, принадлежащего товариществу «Треугольник» и содержащего в себе резиновые автомобильные и грузовые шины. При следовании в пути, в мае месяце 1918 года, груз находился на станции Чишма, около Уфы, в период наступления на эту местность чеховойск. При оккупации этой местности и в виду потребности чеховойск в автомобильных и грузовых шинах для военной цели, весь означенный груз, в количестве тридцати двух вагонов, был реквизирован отрядом чеховойск и продвинут на станцию Челябинск, а затем далее, на станцию Екатеринбург, в адрес технической авточасти чеховойск. По прибытии груза на товарный двор станции Екатеринбург, в наличии оказалось только двадцать восемь вагонов с грузом, которые и были там приняты автомобильной ротой чеховойск, остальные же четыре вагона были в пути использованы чеховойском для своих нужд. В декабрь 1918 года двадцать восемь вагонов с грузом распоряжением чеховойск были продвинуты на станцию Курган, где и оставались до марта 1919 г., а затем были отправлены до станции Зима, на которую прибыли в апреле месяце 1919 года. На станции Зима груз частично был переупакован в ящики и повагонно, одновременно отправлен во Владивосток, в адрес авто-парка чеховойск. На станцию Владивосток 1 марта 1920 г. прибыли восемнадцать вагонов, были перегружены на пароход «Мадо-Васко» с чеховойском и отправлены в Чехословакию. Следующие семь вагонов с означенным грузом прибыли на ст. Владивосток в адрес автопарка чеховойск 21-го числа марта сего года и также подготавливаются к погрузке на очередной пароход с чеховойском, для отправки в Чехословакию, остальные же три вагона находятся ещё в пути следования по тому же назначению во Владивосток.

Основываясь на том положении, что при условиях гражданской войны, частные грузы, реквизируемые какими-либо частями войск враждующих сторон

не составляют военной добычи, а должны быть возвращены владельцу по принадлежности, в случае же использования таковых грузов для надобности военных частей, последние обязаны возместить владельцу груза стоимость такового, вышеозначенный груз

— собственность товарищества «Треугольник», отделение которого находится во Владивостоке. Стоя на страже интересов фирмы и принимая во внимание факт реквизиции чехословаками вышеозначенного груза и намерение вывезти таковой! из пределов России, отделение товарищества «Треугольник» обращается с просьбой к верховному контролю чеховойск — возвратит фирме находящийся ещё во Владивостоке груз и уплатит стоимость вывезенного количества груза, согласно прилагаемого при сем перечня.

Согласно прилагаемой описи на все вышеозначенные 28 вагонов груза, стоимость таковых определяется по ценам 1918 г. в период реквизиции его чеховыйсками в сумме 38.092.815 (тридцать восемь миллионов шестьсот девяносто две тысячи восемьсот пятнадцать рублей-.

Владивосток, марта 28-го дня, 1920 г.»

Ответ:

«Отделение высшего контроля чеховойск в России. № 437, мая 4 н. ст. 1920 г. Владивосток. Товариществу российско-американской резиновой мануфактуры «Треугольник» во Владивостоке.

В ответ на Ваше заявление от 28 марта с. г., имеем честь сообщить, что Вашу претензию относительно уплаты рубя. 38.692.815 — к большому нашему сожалению признать не можем, так как отсутствуют доказательства, что упомянутые 32 вагона резиновых шин во время их захвата чехословацкими войсками представляли собственность фирмы «Треугольник».

Произведённое расследование показало, что весь означенный товар составлял часть военного имущества красной армии, отнятого у ней в. бою. Решить же вопрос законности приобретения резиновых шин со стороны красноармейских властей мы не имеем ни права, ни основания, даже несмотря на то, что автомобильный резиновый материал во всё военное время составлял предмет государственного реквизиционного права и означенный товар, по всей вероятности, уже заранее перешёл во владение военного ведомства.

Начальник отделения высшего контроля чеховойск в России капитан Шимунский».

Но тем не менее владивостокский консул одной из союзных стран остановил погрузку этой резины на чешские пароходы, — ведь были затронуты не только интересы русских, а и иностранных подданных, общество было российско-американское. А самый тон ответа чешского капитана напоминает отговорку того любителя чужих золотых часов, который, будучи пойман на ущице с поличным, начинает спрашивать у собственника часов, где у того свидетельство из магазина о покупке их.

Когда интересы иностранцев не были затронуты, то они смотрели на коммерческие подвиги чешского «ген и я» холодно, равнодушно и только иной раз, кто нечестнее, — с презрением.

Владивостокская газета «Слово» так описывает в те дни то, что представляла оборотная картина ликвидации «анабазиса»:

«В Гнилом Углу (часть Владивостока) несколько огромных зданий, бывших паровозных мастерских, заняты ликвидационной комиссией чеховойск.

Чего-чего тут только нет—и весы, и швейные машины, и телеграфные аппараты, и инструменты. словом всё, от булавки до автомобиля, как пишет «Изо Экспорт и Ко.» (японская фирма-. Разница одна: «Изо Экспорт и Ко.» фирма с безупречной репутацией, у ликвидационной же комиссии чеховойск репутация не так-то уж чиста. Хотя комиссия и работала чисто!

Взять хотя бы весы. Комиссия тщательно окрасила все весы, в надежде замазать надписи, указывающие, с какой дороги эти весы увезены были «доблестными» войсками. Но явилась русская железнодорожная комиссия и стала откапывать. Там на гирях отметка: «Пермская ж. д.», тут на платформе весов выступает: «Сибирская жел. д.», там оказалась: «Китайско-Восточная ж. д.», а на инструментах нет-нет, да и находили надписи: «депо Тайги», «депо Перми». Пришлось чехам уступить эти вещи, а там, где признаки хищения не были отлиты или выгравированы — комиссия ничего не могла сделать. Неужели и русская администрация ничего не может сделать, чтобы защитить народное, достояние от такого наглого расхищения?

Не лишено интереса и следующее — чеховойска открыли торговлю оптом и в розницу, продают муку, макароны пудами и фунтами, выдают счета, но наотрез отказываются оплачивать счета гербовым сбором».

Газета «Русский Голос» приводила заметку о вандализме чехов: «В ожидании парохода, чехи жили в классных вагонах. Уезжая, чехи сняли зеркала, вывинтили все медные части, вплоть до винтов, сняли линолеум со стенок и пола, обивку с диванов и конский волос, которым эти диваны были набиты. Одним словом, взяли всё, что представляло какую-либо ценность. Железнодорожные власти, принимая эти вагоны, вынуждены были составить акты о грабеже вагонов».

Отдельные русские люди и противубольшевицкая пресса Владивостока и Харбина пробовали протестовать, опубликовывая отдельные вопиющие факты открытого, безнаказанного ограбления России. Чехи или оставляли без ответа, или отвечали отписками, только подтверждающими эти факты.

Так, например, русским ведомством снабжения и продовольствия отпускался чехам, начиная с 1918 года, сахар в кредит. При их отъезде в невырожденную родину — Чехословакию, чешскому штабу был предъявлен ведомством счёт с расписками чешских частей в разновременном получении

сахара на 648.796 иен. Чехословацкий штаб дал следующий ответ:

«Не отрицая факта передачи нам русскими властями продовольственных продуктов, мы в данное время не можем произвести этой передаче необходимый учёт и контроль, так как наше интендантство эвакуировано. Вся переписка по этому делу будет направлена в Прагу с первым отходящим транспортом и, до получения распоряжения оттуда, мы произвести расплаты не можем».

Распоряжения из Праги не последовало никогда.

Обычно, иностранцы хранили молчание, лишь наблюдая со стороны, как ловко чехи обворовали Россию, превращаясь из голодранцев в довольно состоятельных, а некоторые, так просто в богатых людей. Но вот в номере от 1 мая 1920 года английской газеты «Japan Advertiser» (Kobe), была помещена телеграфная корреспонденция, из Владивостока, следующего содержания: «Вчерашний отъезд транспорта «Президент Грант» оставил ещё 16.000 чехов для эвакуации. Транспорт для них ещё не предусмотрен и не ожидается раньше конца июня. Есть предположение зафрахтовать японские пароходы, так как ничем незанятые чехи суть причина постоянных волнений и недоразумений. «Президент Грант» увез 5.500 чехов, а также сотни тонн золота, серебра, меди, машин, сахара и всяких других продуктов, как и другое награбленное добро, которое чехи увозят с собою из Сибири».

Чехословацкий посланник в Токио, Перглер, один из ближайших сотрудников Масарыка, не счёл возможным на этот раз смолчать и дал такой классический ответ, помещённый в той же «Japan Advertiser» и в русской дальневосточной прессе. Приводится ниже в подлиннике, без изменения:

«Газеты содержат сообщение из Владивостока от 28-го апреля касательно возвращения на родину чехословацкой армии из Сибири, а также относительно отъезда американского транспорта «Президент Грант», увозящего 5.500 чехословаков. Сообщение газеты: «Президент Грант» увозил 5.500 чехословаков, сотни тонн золота, серебра, меди, машин, сахара, снаряжений и другого награбленного добра, которое чехи увозят с собою из Сибири». — Газеты озаглавливают это сообщение следующими словами: Чехи увозят награбленное из Сибири и чехи грабят Сибирь. — Словарь определяет слово награбленное, как обозначающее грабёж в связи с войной и всеобщим расстройством порядка. Чехословацкие солдаты, таким образом, обвиняются в весьма серьёзном преступлении.

Обязанности дипломата, насколько я (т. е. Перглер) их понимаю, заключают в себе также защиту доброго и меня, своей страны и своих сограждан. Эта обязанность особенно существенна, когда ставится вопрос о добром имени армии, которою восторгался весь свет, как в данном случае чехословацкой армией в Сибири. Тот факт, что чехословаки увозят из Сибири, в этом случае на американском транспорте своё собранное имущество,

приобретённое на свои же собственные деньги. Чехословаки находились в Сибири очень долго. Эти солдаты все воспитанные люди, многие из них окончили университеты, интеллигентные рабочие и ремесленники. Как солдаты, они получали известное количество денег. Вместо того чтобы расходовать своё жалованье, они сложили свои финансы и основали большое торговое общество, а также значительные банки, банк чехословацких легионеров. Эти доходы увеличивались при русских условиях потому, что жалованье было уплачиваемо во франках и выплачивалось по курсу русскими деньгами. Солдаты скупали большое количество запасов, и именно эти запасы теперь увозят в республику. Для них было особенно важно купить хлопок, необходимый в текстильной промышленности, и в этих покупках они дошли до таких размеров, что в октябре русский экономист рекомендовал сокращение покупок хлопка чехами, это, очевидно, доказывает, что эти сделки были законные, основанные на обычных методах покупки и продажи.

то чешские солдаты делают со своим жалованьем, как бы незначительно оно ни было, видно из того, что в 1918 году они подписали пять миллионов франков на заем чехословацкого национального совета для поддержки этой же армии».

Таков ответ чешского дипломата. Чего в нём больше, — глупости, наивности, самолюбования или наглости, — решит не легко. Курсив в этом документе всюду мой, для того, чтобы только подчеркнуть особенно наивные и наглые места. В общем же, этот документ говорит сам за себя: в нём есть подтверждение всего, что изложено выше о деятельности чехов в Сибири, — подтверждение частью словами, больше частью фигурой умолчания.

Заметим только одно чешскому дипломату: не одни «чехословацкие солдаты» обвиняются в серьёзном преступлении. Главным образом, их руководители и их командование. И ещё: тот, кто не только покрывает и замазывает преступление, а ещё и старается отрицать его и ввести общественное мнение в заблуждение, тот сам делается участником преступления.

Из следующей главы мы увидим, что не только г-н Перглер делает это, но и его «высокие» руководители.

VIII. Наслоения чешской лжи.

В предыдущих главах представлена хотя и кратко, но исчерпывающе и документально история чешского воинства в Сибири и отъезд его на родину, в новорождённую в Версале республику Чехословакию. Масарык и Бенеш, два видных чешских государственных деятеля, не только сделают правду об этих печальных событиях, но стараются украсить «анабазис» чехов словами, восхищения, героизма и честь. Но ведь не могли не знать эти руководители чешского заговора всего того, что творилось их легионерами в Сибири, не могли не знать всего ужаса чешского предательства и

трусливого бегства, всей грязи и грабежей.

Бенеш не дает себе даже труда включить в свою книгу отдельную главу с обзором всей деятельности чехословацкого корпуса в России. Он вскользь говорит лишь о разочаровании их войск уже в начале октября 1918 года тем, что на Волгу не пришла от союзников обещанная помощь, и будто тогда же чехи признали, что русская анти-большевицкая акция не будет иметь успеха; затем, что переворот 18 ноября 1918 года адмирала Колчака отколол чехов от работы с русскими (Это ложь! См. стр. 57 и 58) и с тех пор чехи только и ждали и даже требовали скорейшей отправки их на родину.

Эту скомканную и умышленную, извращённую историю одного из самых драматических эпизодов — Бенеш заканчивает так:⁴⁶

«Вот краткая история нашего сибирского анабазина до конца 1918 года, без подробностей и без её прекрасного романтического блеска. Анабазис был в военном и общечеловеческом отношении — красивое и достойное удивления явление, а политически имел огромное значение для нашей борьбы. Наши простые солдаты из Богемии, Моравии и Словакии были призваны в австро-венгерские полки, перешли на сторону русских, после тяжёлых лишений и страданий, а главное, среди революционного хаоса, вступили в ряды добровольной и импровизированной армии, дрались некоторое время на фронте против тех, от кого они дезертировали, затем под эгидой своего великого вождя прошли через безграничную Россию и Сибирь, заняли, не взирая на все преследования, 8.000 километров железной дороги и огромную, прямо необъятную область, — чтобы достичь европейского театра войны кругосветным путешествием и принять своевременно участие в борьбе за свободу своей нации. Они привлекли к себе взоры почти всего света, когда им удалось создать затруднения большевицкому режиму, который был очень неприятен союзникам. И хотя они не достигли своевременно европейского театра войны, но оказали своим выступлением на другом конце света своими удивительными романтическими похождениями — значительные услуги всем, а в первую очередь их родине.

Неожиданная и единственная история! Все было импровизацией — военные легионы, их хозяйственная, финансовая и культурная деятельность, их солдатская жизнь, их традиции и развлечения, их вожди, командный состав и люди. Это были солдаты — *selfmademen* революции, тип своей расы, по существу не военной. Между ними и не было военных гениев, но большинство были добрые, солидные, добросовестные солдаты, с огромным позывом свершит что-то значительное и существенное. Их масса представляет отлично чешскую национальную психологию: сильная жизнерадостность, стремлением (практическим, без фантастики) к решениям, известная крепость и выдержка в борьбе за свою цель, но также раздражимость, известная впечатлительность, фанатизм, несколько нездоровая ревность,

46 Ed. Benesch, «Der Aufstand der Nationen», стр. 553.

пессимистическая легковёрность при затруднениях и склонность к критиканству в спорных случаях. Те же свойства проявлены в общем и большинством наших солдат во Франции и в Италии.

Генерал Сыровой, как их начальник, был хороший тип. Он внушал солдатам доверие своей солидностью, прямоотой, честностью и своими здоровыми суждениями. Солдаты знали, что он их не поведет на авантюру.

Особенного значения заслуживает хозяйственная, финансовая и культурная работа нашей сибирской армии. В ней проявился, как я думаю, всего лучше г е н и й нашей расы. В массе наших войск быстро отыскались сильные индивидуальности, которые сумели организовать и направить работу; но эта работа была понята и поддержана содействием каждого рядового солдата. Нельзя недооценит общую способность создать быстро и успешно большие хозяйственные предприятия — во время горячей борьбы в Сибири. Далее — эти предприятия вести, поддерживать сообщения, торговлю и связи с Японией и западной Европой, вызвать к жизни финансовые учреждения и организации, культурные заведения, газеты, театры, певческие хоры, оркестры, места развлечений — целый культурный аппарат значительно высокого уровня. Все это выказывает нас, как нацию, наши склонности, способности, достоинства и недостатки».

Что же добавить к этому после всего рассказанного на страницах настоящей книги?! Если бы это писал простой человек, то его ещё можно извинить наивностью, глупостью, или незнанием, или тем, что его введи в заблуждение. Но это ведь министр Чехословакии и один из главных руководителей всего чешского дела. Такой человек может допустить всю эту ложь только заведомо и умышленно. И изучение его книги показывает, почему он это сделал. Со страниц её так и выступает, так и бьёт тот цинизм, с каким Бенеш не только рассказывает, но похвально своей не всегда чистой ролью во время мировой: войны в передних министров Антанты. Он сам и его клика всё время тогда дрожали и боялись, что союзники заключат мир с центральными державами, а особенно с Австро-Венгрией. Последнее обстоятельство,—пишет Бенеш⁴⁷ — заставило его действовать ещё быстрее и стремительнее, чтобы создать возможно большее число *faits accomplis* и тем путём связать союзников всё новыми и возможно решительными актами.

И он делает неожиданное признание, что при этом их сибирская армия, и. е. те самые легионеры, которые предали на расстрел адмирала Колчака, ограбили Россию и погубили её национальное, государственное предприятие, — эта армия облегчила и сделала возможной для них борьбу и успех на парижской конференции, на которой он, Бенеш, достиг гораздо большего, чем осмеливался надеяться в начале войны.⁴⁸

47 Ed. Benesch, «Der Aufstand der Nationen», стр. 591.

48 *ibid.* 610 и 695.

По свидетельству объективного учёного,⁴⁹ чехи работали на мирной парижской конференции с самыми сомнительными средствами и тёмными приёмами, доходящими до обмана конференции включительно, напр., относительно смешанных немецко-чешских областей или обещаниями устроить новое государство, на подобие Швейцарии, с действительным обеспечением прав всех входящих народностей. Далее, чехи подавали документы с подтасовкой и даже подделкой исторических фактов, надеясь через то получить свою часть в дележе контрибуции.

Как после всего этого должны звучать слова Бенеша о том, «что старая истерия была для них (чехов), всегда хорошим учителем, — ещё лучшим учителем должна быть новая история, в которой ещё и сегодня действительны живущие в ней интересы, стремления, цели и идеи».

«В конце концов», — восклицает Бекеш,⁵⁰ — и дипломат нового пошиба, — «оказывается, что путь правды, честности и прямоты — есть путь национальных интересов. Ложью и насилием до сих пор не могла обеспечить себя от ударов судьбы ни одна нация, ни большая, ни малая.»

Да, без сомнения, так и будет! И та ложь, то грязное предательство, интриги и та кровь, на которых взошла чешская самостоятельность, уже влекут неудержимо справедливое решение. Чем скорее придёт оно, — «тем лучше для всего человечества».

Книга Масарыка написана ещё более фальшиво и двулично. Масарык не только хочет обелить себя и своих чехов, но задается намерением показать, что он всегда всё предвидел вперёд, чуть ли не один на всей земле; что поэтому-то он и допускал то или иное действие, которое в сущности, было или обманом, или предательством.

Уже Бекеш, который, являлся во всей интриге и в заговоре подручным Масарыка и теперь хвалит последнего, как апостола своей нации, как «великого», — вводит эту ноту якобы прозорливости старого чеха; он говорит, что Масарык с самого начала поставил себя против русской анти-большевицкой акции, вследствие чего и чехи-легионеры всегда были против русских и уже в июне 1918 года взяли путь на Францию.⁵¹

Масарык в своей книге подробнейшим образом описывает себя самого, своих личных друзей, своё окружение, а затем уже общий ход мировой войны. Но в центре всегда стоит Масарык. Все совершается вокруг него. Старый чех видимо страдает манией величия. Некоторые места его книги годятся для юмористического журнала. Так, он пишет:⁵²

49 Prof. H. Hassinger, «Die Tschechoslowakei», стр. 326.

50 Ed. Benesch, «Der Aufstand der Nationen», стр. 343 и 345.

51 ibid. 512.

52 T. G. Masaryk, «Die Weltrevolution». Стр. 99.

«Как курьёз, упомяну, что царь прислал мне через Стефаника (летом 1916 года) очень дружеский поклон и просьбы продолжать мою политику и дальше». После первой, февральской революции, Масарык некоторое время выжидал для верности, — как это обычно делает всякий чересчур хитрый и в то же время трусливый человек; когда же он «был достаточно информирован, то послал 18 марта телеграмму Милюкову и Родзянко, в которой выражал своё удовлетворение переворотом».⁵³

Вскоре затем он и сам поспешил в водоворот русской революции, чтобы принять участие, приложить и свою руку к развалу страны. Здесь Масарык роняет такую фразу: «во время царского правительства я не спешил в Россию, — так как я знал предубеждение реакционных элементов против меня и союзников».⁵⁴

А описывая своё долгое пребывание в течение 1915 и 1910 гг. в Лондоне с массой подробностей, с упоминанием мелочей из своей частной жизни, со всеми встречами, — Масарык забывает упомянуть, что в апреле 1915 года им был представлен сэру Эдуарду Грью меморандум «Independent Bohemia» с приложением карты — Map of United States of Bohemia. В этом меморандуме сказано буквально следующее:⁵⁵

«Для Богемии и для балканских славян самое существенное — это дружба России. Богемские политики считают, что Константинополь и проливы должны принадлежать только России. Богемия проектируется, как монархическое государство; богемская республика находит защиту только у немногих радикальных политиков. Вопрос династии мог бы быть решён двумя способами. Или союзники могли бы дать одного из своих принцев, или могла бы быть заключена персональная уния между Богемией и Сербией. Русская династия всё равно в какой форме, была бы особенно популярна».

Итак, в 1915 году Масарык русофил, монархист, возлагает все надежды на «братьев русских», заискивает перед Россией и перед династией. А в 1917 году, после революции, он заявляет, что «он царизм и его неспособность давно разгадал и осудил».⁵⁶ Книга Масарыка полна затаённой ненависти против России, против русских и всего русского; пренебрежение, хула и ложь на наше отечество брызжут почти с каждой страницы, точно ядовитая слюна змеи.

Чешским легионам в России и Сибири Масарык посвящает больше места, чем Бенеш. Он признает частично их грабежи, когда говорит следующее:⁵⁷ «Нам помог революционный развал России, так как мы часто снабжали себя из русских магазинов *brevi manu*». Местами дает Масарык и картину распущенности своей солдатни, упадка дисциплины, излишнего политиканства, сочувствия большевизму. Он и сам содействовал этому, потакая низким инстинктам толпы, чтобы приобрести среди неё популярность, эту тень

53 T. G. Masaryk, «Die Weltrevolution». Стр. 133.

54 *ibid.* 134.

55 Prof. H. Hassinger, «Die Tschechoslowakei», стр. 330. и 331.

56 T. G. Masaryk, «Die Weltrevolution». Стр. 134.

57 *ibid.* 172.

авторитета. Но самого авторитета у него не было и быть не могло. Ибо на лжи никто ещё и никогда авторитета напрочно не строил.

Послушаем, что пишет чех, отец всей их интриги, что он сообщает о своих «ребятах» в России и Сибири:⁵⁸

«О так называемом анабазисе я собираюсь сказать лишь столько, сколько необходимо для уяснения и для дополнения моего настоящего отчёта о нашей политической работе за границей.

Я. (т. е. Масарык), находился в Японии, когда возникло роковое столкновение в Челябинске. Как мне было тогда донесено, уже позже, в Америку, в Челябинске 14 мая немецким военнопленным был ранен один из наших ребят, — и тотчас же немец был убит на месте. Большевики взяли сторону немецких и венгерских военно-пленных, последовали дальнейшие события, кончившиеся занятием нашими войсками города. В конце мая наши части решили из Челябинска продолжать путь на Владивосток. 25-го мая началась борьба, воинственный анабазис».

Последовали известия о занятии городов: Пензы, Самары, Казани и т. д. Это вызвало восхищение в Америке, где Масарык пустил в ход все средства, чтобы раздуть паруса. «Как всегда, поддерживали Масарыка евреи», — пишет он,⁵⁹ — особенно в Америке рентировала себя Гильснериада.» Так называет он своё выступление в 1899 году защитником в процессе одного еврейского рабочего, по имени Леопольд Гильзнер, обвинённого в убийстве девушки.

«События достигали по прямому кабелю раньше Америку и находили там сильнейший отзвук, чем в Европе. Легионеры были уже в начале августа 1918 года в Америке очень популярны, в Европе немного позже».

«Конечно, доходили до меня», — пишет Масарык далее, — «скоро и плохие известия, как в каждой войне и не может быть иначе. Это были известия о различных недостатках нашей армии. После некоторого времени, начиная с августа, наша армия оставила все занятые города на Волге. Борьба на таком длинном фронте была, конечно, трудна и занятие приволжских городов было стратегической ошибкой. Спустя немного распространились плохие известия и о моральной стороне наших войск в Сибири. Это началась контрпропаганда большевиков и всех наших политических врагов».⁶⁰

Последнее утверждение есть не более, чем расчёт на неосведомлённость широкого круга читателей, один из наиболее излюбленных приёмов этих «пропагандистов»- чехов. Ниже, на той же странице, Масарык сам опровергает себя.

«Мне были гораздо неприятнее известия от союзных офицеров,

58 *ibid.* 287.

59 T. G. Masaryk, «Die Weltrevolution». Стр. 85 и 249.

60 *ibid.* 289.

которые прибывали из России и Сибири и изображали упадок дисциплины в нашей армии; эти известия проникали в общественность лишь в ограниченном числе, но всё же, они нам, естественно, вредили. И, тем не менее, симпатии огромного большинства общественного мнения и правительственных кругов оставались за нами».⁶¹

К кому же относит Фома Масарык «союзных офицеров» — к «большевикам или к политическим своим врагам!?»

«Наши войска, — говорит президент Чехословакии дальше,⁶² — «вынесли добровольно и долгое время материальные недостатки и выстрадали морально от долгой разлуки с семьями и с родиной, — известное ослабление дисциплины поэтому можно было ожидать. Но несмотря на это и на многие разочарования, армия не была деморализована. Отдельные части прошли через тяжёлые кризисы, как свидетельствует добровольная смерть Швеца».

Вся книга наполнена подобными извращающими истину утверждениями; расчёт на наивного и неосведомлённого читателя и надежда на то, что вся тонко проведённая через иначе освещение факты ложь — останется без возражений. Дело именно в том, что весь чехословацкий корпус в Сибири подвергся высшей степени разложения, охватившего всего его, от рядового до командира. И доблестный Швец только подчеркнул это своей трагической кончиной.

В том же тоне и с той же развязной манерой говорит Масарык и о грабежах, воровстве, мошенничестве и настоях чехов в Сибири:

«О духе нашей сибирской армии должно судить также и по её невоенной деятельности. Наши солдаты вели всюду и постоянно, наряду с военной, также и разнообразную хозяйственную работу. Очень скоро они организовали при армии рабочие товарищества (август 1918 г.). Несколько позже были основаны торговая камера, сберегательная касса и банк. На Урале и в других местах наши солдата организовали промышленные предприятия (!?). Я (Масарык), не могу не упомянуть очень прилично устроенную военную почту. Все это должно идти на (учёт, если говорят о нашей армии в России и Сибири. Дело идёт не только о славе героического анабазиса; мы не хотим его преувеличивать, но было бы несправедливо его рассматривать, как мгновенно вспыхнувшую ракету. В связи с этим следует отметить, что и наши немцы начали в Сибири записываться в нашу армию; из них были образованы рабочие отделения».⁶³

О последнем мы окажем несколько слов в конике книги. Что касается до остального, то к сказанному выше остается лишь добавит, — сведения о промышленных предприятиях, основанных чешскими солдатами на Урале и в других местах, высосаны Масарыком из пальца. Кроме огромного подвижного, на рельсах, склада краденого и награбленного имущества, не было ни одного

61 T. G. Masaryk, «Die Weltrevolution». Стр. 289.

62 *ibid.* 294.

63 *ibid.* 294.

предприятия.

Старый чех оказался всё же не так осторожен, как молодой; Масарык проговаривается больше Бенеша. Последний) только хвалил и восхищался. Но оба чеха обращаются с правдой и с историческими фактами преступно фамильярно. Оба они прикрывают все тёмные деяния своих ребят в России, — следовательно к ним обоим в ещё большей степени приложимо оказанное по отношению к их посланнику в Токио, г-ну Перевру.

Не лишено интереса, что Масарык, как учёный, приносит уже в этом приговоре свою долю.

В 1887 году он выпустил в Вене книгу, под заглавием: *Dr. Thomas G. Masaryk. Versuch einer concreten Logik.* — Vien, Verlag C. Konegen, 1887. В ней на стр. 149 развивая критику предательства, он пишет буквально следующее: «Кавур сказал, — если бы мы предприняли для себя, то, что мы сделали для Италии, то мы были бы, конечно, величайшие подлецы. А мы (т. е. Масарык) скажем, что для нас низость действий есть и останется той же самой, — будет ли она проведена для самих себя, для отечества или для какой иной цели».

Масарык и Бенеш оставили далеко позади себя графа Кавура; действия и вся политическая иностранная интрига последнего перед чехами — детская игра.

Здесь необходимо только сказать в дополнение несколько слов о двух обстоятельствах: первое — об усиленной чешской пропаганде, которая продолжается расползаться повсюду; и второе — о том вреде, который эта пропаганда приносит не только отдельным странам, но и всему человечеству.

Золото и все ценности, на которых лежит пятнами кровь неповинных, привезённые из Сибири через океан в Европу, дает чехам богатые возможности развить целую сеть органов своей пропаганды. Во всех странах и на всех языках издаются ими книга, подобные двум приведённым выше, целый ряд брошюр, памфлетов, журналы и газеты. Под негласным руководством пражского министерства иностранных дел создаются акционерные издательские общества, имеющие местом своего действия за границу. Чтобы замаскировать чешское руководство и придать этим в сущности разведывательно-информационным органам Праги нейтральное лицо, в их состав привлекаются и иностранцы.

Излюбленным приёмом чешских политиканов является не опровержение фактов, тех фактов, которые приведены и в настоящей книге, которые в отдельности приводились и раньше, на протяжении десяти лет, — так не опровержение этих фактов приводят обыкновенно чехи, а стараются путём клеветы и инсинуаций опорочить личность того, кто берет на себя смелость сказать правду. Благодаря же широкой сети своей пропаганды и большим

средствам, чехи надеются таким образом часть людей запугать, а другую парализовать.

Ясно, что борьба для сегодня трудна, а для многих и непосильна.

Но тем не менее, борьба с ложью и с преступлением чешских легионеров должна быть проведена. И будет проведена. Иначе было бы слишком печально, ибо в противном случае пришлось бы признать, что человечество потеряло совесть, что преступление может не только пребывать безнаказанным, но и рядиться в тогу добродетели и героизма, как мы это видали на примере двух руководителей Чехословакии, на престарелом Масарыке и его подручном и ученике, Бенеше.

И эта задача — борьба с чешской ложью, лежит не только на нас, русских, но на представителях всех наций, включительно до новоизобретённой, чехословацкой, На последней, пожалуй, больше других. И вот почему:

Как уже было упомянуто, чехи получили путём очень искусной и сложной интриги не только свою самостоятельность, но включили под себя ряд других народностей. Получилась мозаика, как называет новое государство профессор Базельского университета Гуго Гассингер. По его труду («Die Tschechoslowakei», Dr. Hugo Hassinger, Prof. an der Universität Basel, Rikolo Verlag, Wien.) состав населения Чехословакии следующий:

Чехи	6.430.000
Словаки	2.334.000
Русские	0.460.000
Поляки	0.075.000
Немцы	3.123.000
Венгры	0.747.000
Евреи	0.018.000
Другие	0.023.000
Всего:	13.210.000

Таким образом на 6,4 миллионов чехов приходится. 6,8 миллионов других народностей. Но к этому ещё, — статистика в Чехии, по словам профессора Гассингера, подвергается самой произвольной обработке. Ряд официальных давлений и подтасовок. Достаточно здесь указать на то, что солдаты чешской армии все годы устройства нового государства пользовались правом выборов и входили в счёт населения, передвигаясь с одного места на другое.⁶⁴

Так вот все эти 6,8 миллионов, т.е. более половины населения Чехословакии, должны нести на себе пятно чешского преступления, — пока они остаются в границах этого государства, пока они, согнув шею и подставив спину, несут на себе «почётное» имя чехословак. Пока они молча участвуют в политическом строении Бенеша, Масарыка и Ко., — эти миллионы разделяют ответственность с чехами. Не даром выше приведённая фраза Масарыка, что

⁶⁴ Prof. H. Hassinger, «Die Tschechoslowakei», стр. 169-171.

«наши немцы начали в Сибири записываться в нашу армию». Отец чешской демократии уже заранее переключал и на честные немецкие плечи отвратительный груз чешского преступления.

Все эти невинные фактически словаки, русины, немцы, венгры и евреи, при их молчаливом поведении и дальше, рискуют очутиться у одного позорного столба с Масарыками и братией. Особенно это будет тяжело для следующих поколений нечешских народностей, которые вырастут в новом государстве и выучатся в его школах. А чешские руководители прилагают все усилия и методы чехизации других народностей, вошедших по искусственному договору в Чехословакию.

К тем сухим цифрам, что приведены выше, к этому распределению народностей надо прибавить все те муки, слезы, унижения и даже кровь, которая уже пролита была чехами в пределах их нового мозаичного государства.

О притеснениях судетских немцев приходится часто читать в прессе; о том же говорит и профессор Г. Гассингер в своей книге.⁶⁵ О том гнете, преследованиях и жестокостях, которые испытывают семьсот тысяч венгров, имевших несчастье подпасть под владычество чехов, собраны подробные материалы.

Вот что говорит тот же объективный учёный, о том, какими: сомнительными путями вели чехи игру, чтобы включить в своё государство три с половиной миллиона немцев: «Те средства, которыми манипулировали чехи на мирной конференции, и теперь можно видеть в различных меморандумах, поданных на ней, — о чём мы уже упоминали. Центральное место среди всех этих записок занимает по своему значению меморандум III, содержание которого приводится в приложении. Невольно задаешь себе вопрос, что в этом документе заслуживает наибольшего удивления. Та ли беззастенчивость, с которой было использовано знакомство дипломатов с придунайской средней Европой, или смесь лицемерия и жестокости, или доводы - софизмы, которые местами выглядят опять-таки ученически наивно»... «Но этот меморандум необходимо рассматривать, — что именно тогда и имелось в виду, — как государственный документ; в нём, как и в других меморандумах, всегда говорится от имени правительства».⁶⁶ Профессор Гассингер разбирает подробно и показывает, что меморандум III изобилует фальшивыми данными.⁶⁷

Только здесь в Европе, где мы, лишённые вследствие предательства чехами нашего отечества, принуждены жить долгие эти годы, узнали мы, что словаки сильно отличается от чеха, что иногда между ними такая же пропасть, как между русским и поляком. Словаки в большинстве — простой, скромный и религиозный народ. Чех — характеристика этого человека без религии и

65 *ibid.* 99-116, 125-176.

66 Prof. H. Hassinger, «Die Tschechoslowakei», стр. 325.

67 *ibid.* 582.

совести достаточно выявлена на их делах в Сибири. Русский народ понял своим живым инстинктом это различие раньше: хотя корпус и назывался официально чехословацкий, но проклятия населения Сибири неслись только чехам. И на стенах сибирских городов пестрели надписи: бей чехов! Не лишено интереса, каким путём словаки были поставлены в подчинённое чеху положение.

Во время долгой подпольной работы Масарыка и Ко, ими был заключён ряд договоров с иностранными словаками о самостоятельности или о самой широкой автономии Словакии. 16 мая 1915 года, так называемая Московская декларация,⁶⁸ по которой для Словакии устанавливался свой парламент, автономия языка и управления. В 1915 году, октября 27, такие же условия в Клеветландском договоре (Америка).

30 июня 1918 года в Питтсбурге был подписан в числе других и Масарыком, им же составленный договор, по которому Словакия получала своё собственное управление, администрацию, свой парламент и суды; словацкий язык признавался государственным.⁶⁹

Все это оказалось только на бумаге. Словаки подверглись ещё большему гнёту от чехов, чем другие народы, — создатели нового государства захотели их чехизировать без остатка. Все условия и договоры были цинично брошены под стол, за которым вчерашние заговорщики засели, как правители.

Масарык в своей книге⁷⁰ пробует вывернуться из этого государственного вольта. Он признает, что 30 июня 1918 года было подписано между словаками и чехами соглашение в Питтсбурге. И сейчас же подчёркивает: «но соглашение, а не договор!» И далее: «это соглашение было заключено к успокоению малой словацкой фракции, которая мечтала. Бог знает, о какой самостоятельности. Я (т. е. Масарык) подписал соглашение без промедления, так как это было местное дело американских словаков и чехов между собою.» А в соглашении в Питтсбургском договоре было, как узнаем и из слов Масарыка, что Словакия получит собственный ландтаг, администрацию и суды; что словацкие народные представители будут решать сами все подробности словацких проблем.

Но в то время политическая чешская интрига не была далеко закончена, и Масарыку нужно было устроить сбор долларов среди американских словаков. Теперь же словаки, напоминающие об этом договоре в Питтсбурге, сажаются в Чехословакии в тюрьмы, предаются суду, как за измену.

Можно было привести ещё много «подобных фактов, но это приходится оставить до другого раза цель настоящей книги — история о том, никогда не

68 Prof. H. Hassinger, «Die Tschechoslowakei», стр. 477.

69 *ibid.* 478.

70 T. G. Masaryk, «Die Weltrevolution». Стр. 233.

бывалом, переходящем все границы по своей низости, — предательстве чехов в Сибири. Это предательство, разыгранное в 1918—1920 гг., встанет в своё время, вполне освещённое во весь свой уродливый и ужасный рост и оно требует само от человечества суда и отмщения. Наш долг — собрать возможно больше документального материала и не дать чешской лжи безнаказанно отравлять человечество.

Правда одна и правда, — рано-ли поздно-ли, — должна победить.